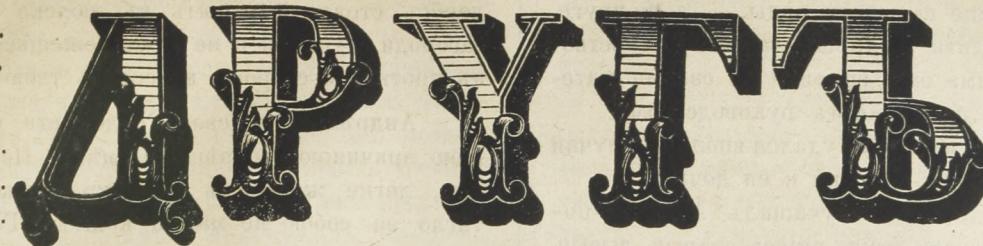

Выходитъ 1. и 15.
каждого мѣсяца.

Предплата:
на годъ 3 зр. 60 к.
на полъ г. 1 зр. 80 к.
на кварталь 90 кр.

Редакція и администрація улиця
Краковская ч. 19.

Неопечатаныи ре-
кламації принима-
ются на почтѣ без-
платно, и увзглядня-
ются лишь до 14 дній

ПЕТРѢИ и ДОБОЩУКИ.

Новѣсть Джеджалика въ трехъ частяхъ.

(Часть вторая).

(Продолж.) Але въ ту пору, коли Дозя смирило и задумчиво держалася на боцѣ и сторонила, здавалось, отъ товариства мати еи розвинула тымъ бѣлье дѣятельгѣсть. Андрѣй булъ еще новичокъ въ благороднѣмъ, аристократичнѣмъ кружѣ Графиня Кралинска прото доброхотно принялъ на себе ролю его ментора. Она опровергала молодого по всѣхъ тайныхъ закуткахъ сего круга, который для чужихъ такъ болгато має прелести и повабу, а для належачихъ до него есть неразъ незносный задля свого тѣсного отграниченья отъ прочого свѣта. Графиня представляла Андрѣя всѣмъ знаменитшимъ лицямъ яко молодця полного надѣй, яко щирого патріота, — чимъ не мало подносила его нещасну гордѣсть. Графиня умѣла выеднати для него якесь певне становище въ тѣмъ кружѣ и заслонити его неразъ своимъ авторитетомъ передъ острыми стрѣлами ироніи, котрѣ выпускала на него молодѣжь. Графиня съ материнскою старанностью давала Андрѣеви приписы взгляdomъ тоалеты, поведеня и всѣхъ найменьшихъ подробностей. Графиня наконецъ, выслѣдивши съ обыкновенно всѣмъ женщинамъ быстротою слабыи стороны Андрѣевого серця, умѣла всегда зруочно тыкати ихъ. Она схлѣбляла его гордости ставлячи его простый, чистый характеръ выше того неприродного, вымушненого и зопсуетого свѣта, — она не омешкала пощерти свои слова розличными скандаличными анекдотками зъ тайного життя каждого майже изъ тыхъ лицъ, съ которыми стыкался Андрѣй въ новомъ обществѣ. Натуральна рѣчь, що сїючи тіи сплетеньки, въ котрѣ, звичаємъ старыхъ вдѡвъ, радобавилася и котрьхъ все мала подостаткомъ въ запасѣ, она поминала свою дочку, — а противно, — каждого разу намекаючи полсловомъ про ню щоєсь похвальнаго старалася представити ю яко истоту, подобно ему, выешу отъ окружающего ю свѣта. А все то графиня Кралинска робила такъ зруочно, що Андрѣеви николи и въ голову не прійшло подумати, що за тою щиростю може крытися корыстолюбіе и обманъ. Прот-

тивно, бѣть каждого дня бѣлье привязувался до неи, каждого дня бѣлье поважаль ю и каждого дня частѣйше поглядалъ на Дозю, котра, все еще задумчива, сидѣла зъ боку и украдкомъ кидала на него якійсь отгністї взоры. Часто стрѣчалися очи Андрѣя съ очима Дозї, глубоко въ серце молодца проникали тѣ блескучи погляды, — а его очи выкрывали съ каждымъ днемъ бѣлье красоты и премуществъ въ лици и характерѣ панни Кралинской. И съ каждымъ днемъ тѣснѣйше вязался Андрѣй съ высокимъ, аристократичнимъ кругомъ, — но заразомъ съ каждымъ днемъ бѣлье отчуждался отъ своеи родины, особливо отъ матери, котрои мѣсце въ души его зачинала заступати графиня Кралинска.

Полови однакожъ мати и дочка зачали змѣнити свои ролї взглядомъ Андрѣя. Дозя зачала, — буцѣмъ то ненарокомъ, буцѣмъ то отъ нехочу, давати ему щоразъ частѣйше способнѣсть бачитися съ собою самъ на самъ, — и въ такихъ случаяхъ она звычайно взыхала, румянѣлася, — отвѣчала несмѣло та пблъ-словами, — що дуже дивно контрастовало съ еи гузарекою подобою и другому, кромѣ Андрѣя, буlobы выдалося смѣшнымъ. И Андрѣй, котрый совсѣмъ не булъ слѣпый на то, ставался щоразъ смѣлѣйшимъ до неи, — его молоде серце, котре въ тихихъ родинныхъ чувствахъ стратило моральну свою точку гравитацийну, рвалось щоразъ сильнѣйше, зaimалося щоразъ дужшимъ пожаромъ. Непевнѣсть мучила, палила его, — его страсть взростала постепенно до цѣлковитого заслѣпленья. Добре бачила то зъ боку Дозя и еи мати и обѣ въ души крикнули: Victoria, обѣ тріумфовали. Въ тѣмъ самомъ часѣ змѣнилось немало и поступованье графинї Кралинской взглядомъ еи protégé Андрѣя. Она, нѣбы то не замѣчаючи совсѣмъ отношеня его до Дозї незначно зачала усуватися отъ него на бѣкъ, — зачала меньше нимъ интересоватися и наглядала го только зъ боку такъ, якъ спривный механикъ, котрый, добре накрушивши пружину, пустить въ рухъ машину и зъ боку только слѣдить, чи добре все иде. Цѣль такои змѣни въ поступованью графинї була двояка: разъ, щобы молодымъ людямъ дати бѣлье способности заниматися собою, —

ту она здавала Андрея дочь, о которой на певно знала, что она зможе ему дати рады, — а по друге, чтобы черезъ то дати Андрееви такожь почувствовать, якъ необходима ему графиня съ своими материнскими науками и съ своимъ руководствомъ.

Хитрый плянъ женщина удалялся вполнѣ. Случай еще довершилъ побѣды графинѣ и еи дочки.

Въ кружку, до котрого учащалъ Андрей, появился наразъ, не знати отки, якій старый, лысый, кавалеръ, съ штучными зубами и перукою, титуловавшій себѣ баронъ де Гохгеймъ. Правду сказавши не только то имя, але и сама подоба барона зраджувала походжене его изъ рода Авраама и всѣхъ патріарховъ, чого особливо характеристично зогнутый носъ булъ неспоримымъ доказомъ. Однакожъ не зважаючи на то, баронъ уважался за родовитого Поляка зъ крови и кости, голосно, хоть троха ломаннымъ языкомъ, правиль о патріотизмѣ, о своихъ предкахъ, котрѣ, будьтобы, боролися съ Нѣмцями и отти, подобно роду Габданкѣвъ, дѣстали нѣмецке прозвище. И барона, побѣдно якъ Андрея попередила вѣсть о великихъ богацтвахъ, — и барономъ, подобно, якъ Андреемъ, презиралі позаочи и насывались зъ него яко зъ добровича — гандляра, котрый, скупостю призбиравши маєтку, хоче собѣ теперь грбшми и обманствомъ купити у людей поважанье, а у исторіи предкѣвъ и шляхотство. Але помимо того титулъ барона далеко скорше зыскаль ему поважанье и узланье въ аристократичномъ крузѣ, якъ то могло статися непередно съ Андреемъ.

Баронъ Гохгеймъ булъ, якъ сказано, старый кавалеръ, котрый кромѣ того и въ своей молодости не мгъ повеличatisя анѣ надмѣрною красотою тѣла анѣ дорованиями душї. Баронъ Гохгеймъ булъ добрововичъ, — не потребовалъ грошей, — але хотѣль теперь черезъ женитьбу породнитися съ якимъ нибудь аристократичнимъ, старошляхощкимъ родомъ, щобы черезъ то и свою лысу голову окружити якимъ — такимъ нимбусомъ блеску. Барону Гохгейму за первымъ поглядомъ впала въ очи Дозя, котра власне въ той чась грала ролю скромнои и несмѣлони. Онъ началъ заскакувати коло неи, леститися, забавляти и размовляти съ нею, — и съ кождымъ днемъ, якъ здавалося Андрееви, она ставала ласкавѣйша до барона. Заздрѣсть, — страшный огонь, незнаный доселъ молодому серцю, выбухъ въ груди Андрея и грозилъ перепалити ю на попѣль, если долше потревае тая мучительна непевнѣость.

Андрей твердо постановилъ собѣ при найближѣй способности серъзно поговорити съ Дозею о цѣлой рѣчи и такъ рѣшити свою судьбу.

* * *

И желѣзна натура Кирила Петрея не осталася безъ змѣны черезъ тыхъ долгихъ пять лѣтъ. Сумно

то, — а однакожъ правдиво. — що злому тысячай дорогъ стоять отворомъ въ людске серце, — сто загороди, — такъ и не спостережешъся, коли ворогъ зъ противной стороны вдреся въ твою душу.

Андрей, мимо своеи вѣдомости булъ найбѣльшою причиною теперѣшнѣи змѣны Петрея. Его шумне, легке житѣе въ аристократичныхъ кружкахъ тягло за собю не малый коштъ. Господарство не выстарчало на покрытие издержокъ, — бнъ намовилъ отца, щобы часть Добошевого скарбу пустиль въ оборотъ, — а именно, щобы черезъ Бляйберга ульоковалъ его въ якбмъ певнѣмъ гипотечнѣмъ банку. Долго отецъ не хотѣль на то склонитися, — но на конецъ дался намовити Андрееви, — особливо, коли той ему вытолковалъ, що черезъ то головный капиталъ не только совсѣмъ не нарушится, — але еще побѣльшится, а тымъ самымъ и присяга его не буде зломлена. Однакожъ отъ тои хвили, коли Кирило терпѣль муки на глубомъ островѣ, душа его чувствовала всегда якусъ тревогу, що невидимѣй злодїи закрадутся до скарбовъ, що зрада окружаетъ его и Андрея, — бнъ зачалъ всѣхъ боятися, всѣмъ недовѣтрати. Не сталося то отразу, — характеръ Петрея не дался такъ скоро зломати, — однакожъ побѣльна грызота, — повѣльне вліяніе Андрея доконувало тои перемѣны. Кромѣ того и здоровье Кирила значительно утерпѣло, а его нарушеный организмъ не мгъ уже безъ вреда прійти до себе такъ, якъ се сталося съ Андреемъ. Оль всегда чувствовалъ болъ въ розличныхъ частяхъ тѣла, — и поволи попадалъ въ щоразъ то бѣльшу мелянхолію. Не говорливый зъ роду, — бнъ стался теперь молчаливымъ; щоразъ меньше сталъ займатися господарствомъ, — его занимали лишь скарбы, лишь удержанье ихъ и побѣльшенѣе. Онъ зачалъ щадити, ховати, що мгъ, и трудно бы було по пяти лѣтахъ познati той колись такъ сильный и мужескій характеръ. Зрештовъ поверховностъ его мало змѣнилася, — лишь лице блѣде и тусклѣ око показували слѣды внутренной болѣзни, терпѣнія. А Петреиха була межи ними, якъ смертельна людина, загнана завистною долею въ зачарованый кругъ. Она давно уже привыкла не слѣдити за причинами того, що ю окружало, — она, обдарена мягкимъ серцемъ, чувственою душою, — любила мужа и сына и грызлась сама въ собѣ не видячи отъ нихъ взаимности, — противно, — видячи ихъ щоразъ бѣльшу холоднѣсть взглядомъ себе. И въ еи вѣнчнѣмъ видѣ мало що змѣнилося, — она только дуже помарнула и склонилася до землї, — але все еще тихо усмѣхалася, хоть поглядъ еи булъ печальный, и зраджуваль внутренну муку. Сумний булъ той усмѣхъ еи, — усмѣхъ замираючои былины, которую зварилъ предвчасный осінній морозъ!

Про одного еще чоловѣка належить намъ вспомнити, который черезъ тыхъ пять лѣтъ булъ дуже

частымъ гостемъ въ домѣ Петра, се Изакъ Бляйбергъ, — нашъ давній знакомый. Лишь онъ одинъ середъ заклятого круга ныдѣючи силы, гаснучаго божества, заховалъ силу характера и переконанья, заховалъ энергию и не зпускаль зъ ока разъ выписаненои цѣли. Въ Галичинѣ и на Уграхъ онъ позавязувалъ кружки, въ которыхъ складъ входили честныи жиы, маючіи на серцѣ добро своего племени, — и всюда дѣлалъ хлопоталъ и подбуждалъ, — щобы впоити въ соплеменникѣвъ своихъ идеи о моральномъ поднесенью жибовъ. Жадна неудача не зражала его, — не грызли его докоры и упреки гдеяихъ строгихъ старовѣрцѣвъ, — всегда онъ на первомъ плянѣ клалъ свою добру цѣль, а не собственне добро. Онъ одинъ еще поддержувалъ житѣе духове въ домѣ Петра, и для цѣлон родины булъ пожаданымъ гостемъ. Только Андрѣй не дуже якось съ нимъ дружилъ, — бо Изакъ неохотнымъ окомъ поглядалъ на его житѣе съ панами и говорилъ, що оно совсѣмъ въ противну сторону може го завести, якъ се повинно быти его цѣлью. Глубоко укололо то Андрѣя, — который чи не хотѣлъ, чи боялся, приглянутия зъ властивои точки зреїнія своему житѣю, — который за богато уже засмаковалъ его пріемности, щобы теперъ его покидати, — онъ не змѣнилъ своего поступованья, — але щоразъ болѣше отвертался отъ Бляйберга, — съ щоразъ болѣшимъ глядалъ на него презрѣніемъ.

* * *

Було се якось передъ полуднемъ погодной липневой недѣлѣ. Андрѣй осѣдлавши гарного коня, котрого му отецъ купилъ по долгому нальганью, поѣхалъ до пана Лисинецкого, дѣдича колькохъ поблизкихъ селъ, — поѣхалъ съ тлумомъ гадокъ и надѣй въ душѣ, — бо тамъ, на забавѣ сподѣвался застати графиню Кралинску съ дочкою. Онъ передъ тымъ уже долго говорилъ съ родичами о ней и одержалъ отъ нихъ позволенѣе просити о руку Дозѣ, — котору Петрѣй бачиль еще недорослымъ дѣвчатемъ и про которои характеръ не зналъ ничо, кромѣ того, что наговорилъ ему заслѣпленый Андрѣй.

Тихо и сумно стало въ хатѣ по отѣздѣ Андрѣя, — Петрѣиха молчкомъ забралася и пѣшла до церкви, а Петрѣй порозылавши слугъ, куда треба було, пѣшоль до пивницѣ, — а тамтуда въ ходники Чорнои Горы, — пѣшоль оглядати скарбницю.

Прийшла Петрѣиха зъ церкви, — глядить, — мужъ стоять въ сѣнѣхъ.

— Кирило, — каже она ему, — чому ты хотъ до дому Божого не пѣдешъ помолитися? Чи ты уже совсѣмъ на еретики зѣйшолъ? Що тебѣ ся стало, чоловѣче?

— Отъ далабысь ми спокой, — слабый я! отвѣтилъ коротко Кирило. Лагодъ скорше обѣдъ!

Усмѣхнувшись мутными очима пѣшла Петрѣиха до хаты лагодити обѣдъ, — а Кирило на гумно, щобы поглянути, якъ ведено черезъ тыжденъ господарство.

Обѣйшовши гумно, стодолу, пасѣку, стайнѣ, налаявши за першу лѣпшу дурницю слугъ, вернулъ Петрѣй до хаты и сѣлъ обѣдати. Сумовито якось и тихо було въ той давнѣйше такъ пріятнѣй и веселѣй оселѣ, — сумовито помимо еи прекраснаго положенѧ.

По обѣдѣ Петрѣиха выйшла гдѣсь до сусѣды, — Кирило ино що хотѣлъ лячи троха проспатися, — ажъ чуе, — залаяли собаки. Давите черезъ окно, — Изакъ Бляйбергъ иде въ ворота и цмокаючи плеще рукою по колѣнахъ, щобы успоити пѣбвъ.

— Добрый день вамъ, пане Кирило! промовилъ вступающи въ хату.

— Дай вамъ Боже здоровья! Сѣдайте, — будете гостемъ.

Изакъ усѣлъ.

— Якъ же идутъ дѣла? Чи нѣть якихъ стратъ? пыталъ Петрѣй.

Тѣнь смутку перебѣгла лице жида, коли при тыхъ словахъ поглянути на Петра, — ему дуже жаль було видѣти упадокъ того сильного недавно характера.

Замѣто отповѣди винялъ изъ кишени колька звиткобъ и положилъ ихъ на столь. Металевый брязкъ оживилъ Петра, якъ искра электрична. Онъ кинулся числити баришъ.

— Щожъ вашъ панъ Андрѣй? пыталъ тымчакомъ Изакъ.

Петрѣй и не слухалъ его слобвъ, — онъ цѣлый затопился въ числењу.

— А дуже тими днями потребне то, що вы отсе принесли, сказалъ Петрѣй наконецъ перечисливши суму. Мой Андрѣй хоче женитися.

— Съ кимъ? запыталь здивованый жиѣ.

— Съ дочкою графинї Кралинской,

— Съ кимъ, съ кимъ? повториль Изакъ запросъ, мовыбы недовѣряючи власному слуху.

— Кажу вамъ, що съ дочкою графинї Кралинской. Вы мусите знати ю близше. Скажѣть, що се за проявѣ?

— Графиню Кралинску знаю только зъ того, що еи невеличкій маєтокъ дуже задолженый. Але прошу я васъ, — якъ жежъ вы могли на то дозволити?

— Якъ я мoggъ дозволити? Я еще й не совсѣмъ дозволилъ.

— Знаете що, — я иду теперъ власне до Жидачова, — где маются зѣбрать мои одновѣрцї, щобы разъ уже щось рѣшительного предприняти въ моемъ дѣлѣ. Скоро скончится рада, — я обѣцю вамъ вывѣдатися близше гдѣщо о характерѣ матери и доњки

и въ загалѣ о всѣмъ, що може мати вліяніе на будуще житѣе Андрѣя.

— Прошу васъ, — зробѣтъ то! Видите сами, що той хлопець вырѣсъ уже зъ підъ моїх руки, — що я слабый та недужий. — похлопочѣтъ хотъ выта посмотрѣтъ, щобъ Андрѣй не запутался где въ якѣ сѣти! Но то, бачите, молодому чоловѣкови не трудно о щось подѣбного! Изакъ прирѣкъ, — они зачали розмову о іншихъ предметахъ, — но тая якось не хотѣла ити.

Зновъ забрехали собаки и встекло кинулися къ лѣсу на встрѣчу новому прихожому.

Булъ то низенький, крепкій чоловѣкъ въ поряднѣмъ, мѣщанскѣмъ уборѣ, съ торбою висячою чрезъ плечи. Мы познаемъ въ немъ Невеличкого. Онъ ишолъ смѣло и майже весело; здавалося що забулы совсѣмъ, яку пакость здѣлалъ колись въ лѣсѣ господарю, на котрого обѣйтѣе власне вступалъ.

— А цѣба ты, — а не підешъ! кричалъ Невеличкій до обѣвшихъ его собакъ, вымахуючи грубою, окованою палицею.

Петрѣй закликавъ собакъ, — Невеличкій вѣшолъ въ хату.

— Слава Іисусу Христу!

— Слава на вѣки!

По томъ привитанью, не зважаючи совсѣмъ на Петрѣя, звернулся Невеличкій до Изака.

— Дуже добре, що васъ ту застаю, пане Изакъ Бляйбергъ! сказалъ быть повѣльно, — а имя Изакъ Бляйбергъ цѣдилъ такъ поволи и съ такимъ притискомъ крѣзъ зубы, що Изаку ажъ дивно стало, що може хотѣти отъ него той совсѣмъ ему незнакомый чоловѣкъ.

— Я маю дѣло до васъ, — и то дѣло важнѣйше для васъ, якъ для мене.

— Дивна рѣчъ! Менѣ здається, що я доселѣ не зналъ васъ, — говориль Бляйбергъ.

— Ахъ, то найменьша рѣчъ! Имя мое ту ничо не становить, — ту больше иде о ваше имя, говориль Невеличкій съ острымъ, тихимъ смѣхомъ.

— Говорѣть, що такого, — сказалъ Изакъ, широко отворивши очи и придвигаячися незнакомому.

Петрѣй такожъ, почувши такую розмову, зачаль уважнѣйше приглядатися Невеличкому. Дивна спонминка, мовь блискавка, освѣтила его лицѣ, — быть отворилъ уже уста, хотячи щось сказати, — но Невеличкій упредилъ его и рекъ до Бляйберга:

— Если хотите почути, о що менѣ ходить, то ходить зо мною на двѣрѣ.

И не ждучи отвѣта Невеличкій забрался и поспѣшилъ изъ хаты. Изакъ радъ не радъ пішоль за нимъ, — а Петрѣй остался самъ въ хатѣ.

Выйшовши на вѣготи Невеличкій розпочалъ слѣдуючими словами:

— Слухайте Изакъ, — я маю одну новину, дуже важну для васъ. Правду сказавши, ниточка случайно менѣ попала въ руки, но дуже богато труду стояло, щобы дойти до клубка. Я, бачите, циро занялся тою справою и она теперъ совсѣмъ висячена. Но, видите, — я такожъ и не гадаль за дармо трудитися, — прото справедливо буде зъ вашої сторони, що мене за м旤й трудъ отвѣтно надгородите.

— Скажѣть, що то за важна вѣсть, — а я певно не пожалую вамъ отвѣчатися.

— Ба, — если вамъ скажу, — то тогды и страчу зъ рукъ все, — а ваша обѣцянка, то для мене грушки на вербѣ.

— Но, то колькожъ вы хотите за свою таємницю?

— Тисячу золотыхъ! Правду сказавши, — она сама варта для васъ далеко больше, — але я зновъ не хочу дорожитися.

— Дуже то красно зъ вашої сторони, — сказалъ съ легкою наслѣдкою Бляйбергъ, — але я такожъ не думаю куповати кота въ мѣшку!

— Тоничо не буде зъ того?

— Скажѣть, о що рѣчъ иде, то я буду знати, що вамъ отповѣсти.

— Я не можу. Се вѣсть такого рода, що одинъ намекъ о ней позбавляє ю всякої вартості.

— Га, — то бувайте здоровій. Я за такій рѣчи не можу такъ дорого платити. Если ваша тайна для васъ такъ цѣнна, — то ю собѣ сковайте.

— Нѣ, — я не сковою єї для себе, — но уважайте, — що она може въ моихъ рукахъ статися орудiemъ, котримъ въ отвѣтній хвили може глубоко шпигну васъ въ серцѣ.

— Ха, ха, ха, — ха! Вы, бачу, щось чи химерите, чи грозите! Не гадайте прецѣнь, що я того настращуся!

— Добре, добре! Побачимо! крикнулъ Невеличкій. Я не напыхаюся съ своимъ, — я еще дурний, щомъ говориль вами, — я не гадаль, що маю жида передъ собою!

И сказавши то Невеличкій поспѣшилъ удалися.

— Цѣкавый я, — що онъ за вѣсть таку страшну мѣгъ мати? говориль Изакъ самъ до себе. Эхъ, — та най собѣ має, — я му не бороню, — передо мною теперъ важнѣйшій дѣла!

И Изакъ почаль роздумовати о зѣздѣ „мудрихъ и ученихъ“ Жидовъ въ мѣсточку Жидачовѣ, — где мали прйті підъ обраду способы и средства, якъ маються жиды піднести морально до сознанія гражданства и рѣвности съ народомъ, межи котримъ мешкали. Онъ не заверталь уже назадъ до Петрѣя, щобы съ нимъ попрощатися, — но просто поспѣ-

шиль стежкою помежи горы, за бѣгомъ Быстрицѣ, на ночь.

Пречудна, свѣжою красотою и зеленою умаена природа гѣрска окружала путника. Ясно, тепло и весело сіяло сонце праведне на синѣмъ, глубокомъ, якъ душа людска, небозводѣ. Ясно, тепло и весело было въ души Изака, — онъ свободно и радо поглядалъ по окрестности.. Кѣлько надѣй на лѣпшу будучнѣсть усмѣхалось до него, выступающи изъ незмѣримои глубины его душевного свѣта, съ тихими, щастливыми лицами. Они були ему родиною, — они були ему потѣхою и отрадою на утяжливой пути житья, въ трудахъ и нуждахъ.

ОТРАВЛЕННЫЙ ДѢЯКОНЪ.

„Изъ памятной книжки,“ Г. Иванова.

IV.

Здоровье.

„Видите, какъ... Надо вамъ сказать, что случилось это со мной годовъ пять тому назадъ. Быть я въ то время не такимъ прохвостомъ, какъ теперь, не пьяницей, не распутникомъ, не запрещеннымъ, былъ я тогда, какъ слѣдуетъ быть отцу дѣякону: степенно, солидно ходилъ въ рясѣ, имѣя молодую, здоровую жену, и читалъ съ полнымъ удовольствіемъ многолѣтія — словомъ жилъ и во сиѣ не видаль стать пропащимъ человѣкомъ... Было у меня въ дѣтствѣ, въ семинаріи, когда я былъ мальчикомъ, мѣтъ семнадцати, было у меня что-то грустное, тяжелое на душѣ, что-то какъ будто саднило... Тянуло меня куда-то прочь; но что-то другое, чего я еще не зналъ, и что потомъ оказалось свинымъ элементомъ, держало и не пускало... Саднило говорю, отъ этого на душѣ, и такъ даже было однажды, что купался я, схватила меня судорога, пошолъ я ко дну и думаю: „вотъ-вотъ этого мнѣ... какъ хорошо — не жить!...“ Ну, вытащили. Помню, принесли меня на квартиру чуть живого — и какъ на грѣхъ, въ ту самую минуту прїѣхалъ изъ деревни мой отецъ, тоже дѣяконъ, старый, престарый... Какъ увидѣлъ я слезы его (когда онъ узналъ, что я тонулъ), какъ представилъ я всю его жизнь, съ пирогами, крестинами, со всѣми мученіями его ни съ чѣмъ не сообразной жизни, маѣ стало такъ совѣстно, что я хотѣлъ умереть, что и сказать не могу! И не то, чтобы жить мнѣ захотѣлось, или жалко стало отца — нѣть: у меня только перестало саднить на душѣ, перестало меѧ тянуть куда-то, и мнѣ представилось, когда я припомнилъ жизнь отца, что и мнѣ почему-то нужно тянуть ту же лямку, что она для меня почему-то неизбѣжна.. Миѣ стало покойно, и я сталъ тянуть

этую лямку... Первымъ долгомъ, женился я такъ, кой-какъ; любви тутъ не было никакой, а свинство было. Когда я увидалъ невѣstu, — мнѣ не понравилось ея лицо. Какая-то тѣнь мечтаній зашевелилась у меня въ головѣ: не такую невѣstu представлялъ я своею... Но это было не долго... „У нея домъ!“ сказали мнѣ, и мнѣ стало легче... И стало мнѣ легче, и пробудилось во мнѣ что-то еще: не понравилось мнѣ у невѣсты лицо, глаза, чо стали нравиться мясистыя плечи, шея бѣлая и толстая... Я вамъ говорю ужъ все по чести.

— Пожалуйста...

— Ужъ что-жъ... Я даже не говорилъ съ ней, а ужъ чувствовалъ, что могу обнять ее и — что-то жадное пріятно текло въ крови.. Словомъ, свиной человѣкъ преобороль и побѣдилъ... Это — первое. Второе явленіе свинова элементу было въ посвященіи въ дѣяконы. И тутъ на первомъ планѣ болѣе важнымъ и существеннымъ казались мнѣ такія вещи, какъ то, что мнѣ достанется „домъ“ и „садъ“, что доходъ хорошъ, чѣмъ то, что налагаетъ на меня санъ, чѣмъ мои нравственные обязанности... Помню, когда посвящали меня, мнѣ пришло въ голову: „Не грѣхъ ли это? Не безсовѣстно ли?“ Но домъ, да садъ, да жирный бокъ жены... онъ представлялся мнѣ во время посвященія, въ церкви... упругій, молодой бокъ эдакій, и сомнѣнія исчезли... Видите, какъ было мало совѣсти у меня! Да у всѣхъ-то, больше ли ея было? Все, что жило тогда вокругъ меня, было воспитано уважать дѣмъ, землю, деньги, больше, чѣмъ правду своей души.. „По крайности домъ, по крайности деньги,“ говорилъ всякий, оправдывая какой нибудь глубочайшій проступокъ противъ своей совѣсти. И никому это не казалось удивительнымъ. Теперь пошло какъ разъ навыворотъ... Ну, да что... буду рассказывать какъ было!... Вотъ какъ попралъ я такимъ манеромъ свою совѣсть то, сталъ я жить по истинѣ припѣвающи. Правда, когда я вѣхалъ съ молодой женой послѣ посвященія въ селѣ, — случилось со мной что-то въ родѣ прежняго: засаднило будто опить. Оглянулся я такъ-то на нее (сидѣли мы въ телегѣ), --- и думаю: зачѣмъ? хочу сказать ей что нибудь — и вижу, что нечего... потому, что совсѣмъ чужой человѣкъ со мной сидитъ... Хотѣлъ подумать объ этомъ, тяжело какъ-то стало, страсть какъ тяжело, заломилъ во всѣхъ суставахъ... взялъ и обнялъ ее... и легче... Это случилось только разъ... А потомъ, какъ только прїѣхали, устроились, все пошли какъ по маслу. Мой начальникъ — отецъ Иванъ, священникъ, сильно успокоилъ меня и сразу установилъ менѣ на настоящей точкѣ... Рубъ, гравенникъ, „бумажка“ словомъ, деньги во всѣхъ видахъ и качествахъ: это былъ его Богъ, это была его подлинная вѣра, надежда, любовь и Софія премудрость — все! Онъ

— отецъ Иванъ, есть не больше, какъ кошелекъ, я думаю, онъ и самъ такъ представлялъ себя, кошелекъ одушевленный. Это былъ кошелекъ, да и самъ онъ, если не считать себя кошелькомъ, то то не отказался бы отъ этого прозванія, а вся вселенная, все, что есть между небомъ и землей, все это не больше, какъ вмѣстилище разного рода крупныхъ и мелкихъ денегъ, который частію должны перейти въ кошелекъ отца Ивана. И какъ только какая нибудь монета, вращавшаяся во вселенной, попадала къ нему, онъ былъ счастливъ и доволенъ, и цѣль его жизни поддерживалась какъ нельзя лучше. Любо было смотрѣть на его маленькие глазки, когда въ рукахъ его оказывался рубль, гриненникъ... Онъ самъ былъ маленький, грязненький, толстенький и неряшливый человѣкъ, но, когда ему попадала бумажка, все грязко и сало, и масло, которыми онъ былъ пропитанъ и пахнуло, таяло, сверкало и растлѣвалось отъ тепла душевнаго. Уже одна эта искренняя радость, при видѣ денегъ, необычайно успокоятельно дѣйствовала на меня; миросозерцаніе дѣгалось опредѣленнымъ, особенно, если принять въ разсчетъ, что разговоры отца Ивана, разговоры искренніе, безъ сомнѣній и колебаній, тоже были исключительно о деньгахъ и дѣйствовали, поэтому, не менѣе сильно... „Вотъ онъ червѣ-то!“ говорилъ онъ, прача рубль, полученный съ мужиковъ за молебствіе противъ червя, и добродушно улыбаясь, звонкимъ поворотомъ ключа, запиралъ его въ столикъ. И мнѣ такъ было легко, когда я глядѣлъ на него въ это время. Въ самомъ дѣлѣ, что же могло выйтіи изъ всей исторіи о червѣ? Кто правъ въ ней? Мужики ли, которые служили молебенъ, или отецъ Иванъ, запиравшій рубль? Разумѣется, онъ... Я теперь ни за что, кажется, не съумѣю пересказать вамъ, какъ онъ изошрилъ свой умъ на то, чтобы знать, видѣть, гдѣ и какъ, и у кого можно получить копѣйку... И какъ онъ былъ приспособленъ достать ее!... Какъ онъ извивался передъ помѣщикомъ, какъ грустно упрекалъ мужика въ нерадѣніи къ храму Божію, какъ искусно притворялся передъ начальствомъ, выпрашивая пособіе на учебныя принадлежности, и. т. д., и какъ добродушно и ядовито улыбался, запирая въ столикъ деньги, полученные отъ барина, какъ самедовольно поглаживалъ бороду, когда разстроганный мужикъ, радъя къ храму божію, цѣлый день возилъ, напримѣръ, изъ лѣсу дрова на дворъ къ отцу Ивану. Всего не перескажешь, но по совѣсти скажу, что этотъ человѣкъ, съ такими опредѣленными, непоколебимыми взглядами на божій свѣтъ, какъ на рубль или гриненникъ, а главное искренность этого взгляда произвели на меня самое успокоительное впечатлѣніе. Мало-по-малу я стала терять возможность иначе смотрѣть на бѣлый свѣтъ: все устроено, чтобы намъ получить, и

не намъ однимъ, а всѣмъ. Тревоги этого полученнія — трудъ, а жизнь — это отдыхъ съ женой, ъда, сонъ... Вотъ и все! Положеніе мое въ денежнѣмъ отношеніи было не дурное: у жены былъ домъ и деньги; жили мы одни, потому что вдовы отецъ ея пошелъ въ монастырь доживать свой вѣкъ. Жажды къ копѣйкѣ у меня не было, да я и не нуждался въ ней... Я даже могъ, какъ бы сказать, либеральничать надъ теоріей отца Ивана, — но что теорія эта настоящая, я не могъ или пересталь сомнѣваться.

„Стало мнѣ очень покойно...

„Любо мнѣ было, завалившись съ женой на кровать, проспать до утра, погомъ отправиться съ требой, поѣсть, попить и воротиться съ деньгами... Серѣзно вамъ говорю — есть, знаете ли, жрать, было приятнно. Выпить водки, поѣшь и ляжешь... Вотъ какое животное... Разговаривать идешь къ отцу Ивану, и тутъ тоже хорошо проводишь время... Сидѣть какой нибудь гость, съ загорѣлымъ лицомъ, съ таліей, перетянутой ремнемъ, человѣкъ очевидно, практическій (у отца Ивана знакомые все — практические люди), и ведеть какой нибудь разговоръ, ну, напримѣръ, такой...“

— И сталъ онъ, какъ полая вода, ъздить на лодкѣ по моему лугу и рыбу ловить... Думаю, вѣдь лугъ-то мой? да и вода-то, стало быть, хощь она и полая — тоже моя, ежели она на моей землѣ, а следствіенно и рыба вѣдь тоже моя...? Такъ ли я говорю?

— Тва-ая! чистое дѣло, твоя! глубоко убѣжденно вторить отецъ Иванъ.

— Н-ну, продолжаетъ собесѣдникъ: — ну, судари мои, думаю, вѣдь надо бы мнѣ съ него взыскать?... За рыбу-то... Думаль, думаль — нѣть! Поймать ежели, — насильство!... Честью говорить, не дастъ ни копѣйки!... Что же ты думаешь?

Замирали мы съ отцомъ Иваномъ въ такія минуты. Ожидашь какого-то чуда, чего-то восхищительнаго... А восхищалъ насъ процессъ поимки рубля, который, повидимому, совершенно не дается...

— Что-жь ты думаешь? Вѣдь придумалъ!...

Тутъ обыкновенно разсказчикъ останавливался; онъ зналъ, что доставляетъ намъ удовольствіе, что длить это удовольствіе — вещь пріятная, и пріостанавливался. Вся потная отъ жару и отъ чаю, попадая наливала новыя чашки; батюшка вскочилъ и захлопнулъ дверь, чтобы не мѣшиали цыплята, и все приготовилось слушать, у всѣхъ настоящая жажда, даже въ горлѣ саднить отъ предстоящаго удовольствія. Наконецъ, разсказчикъ начинаетъ, но не сразу.

— Думаль, думаль, говоритъ онъ опять: — ничего не придумалъ, не выходить! такъ ежели

взять — попадешься, а такъ — промахнешь!... Что тутъ дѣлать?... Совѣтывался тамъ-самъ... Заплатилъ одному адвокату три рубля... Помямлиль-помямлиль — путеваго ничего нѣтъ... Погоди-жь, думаю!...

Опять перерывъ, съ самыи напряженныи ожиданіемъ.

— Взялъ я, — по словечку, точно по золотому дара нась, медленно и отчетливо говорить разскажчикъ: — взялъ я и засадилъ лугъ-то яблонями... пять яблоночекъ посадилъ...

— А-а-а... шипитъ отецъ Иванъ, прищуривая глазъ и догадываясь.

— И вышелъ у меня, — тоже шепотомъ, тихотихо и тоже прищуривая глазъ, захлѣбывается разскажчикъ: и вышелъ у меня — садъ!

— Хха! точно къ студеному ручью припадая въ жгучей жаждѣ, издаётъ отецъ Иванъ.

— Да какъ пришла полая-то вода, возвышая головъ съ каждымъ слѣдующимъ словомъ, продолжаетъ разскажчикъ: — да какъ поѣхалъ онъ, судари вы мои, по лугу-то лодкой, и наткнись на дерево, да и сломай!

Это слово разскажчикъ кричитъ, потому что это означаетъ побѣду!..

— Ну, и...

Разскажчикъ не продолжаетъ. Мы и такъ уже понимаемъ въ чёмъ дѣло. „Ну, и...“ Это значитъ, ну, и подаль къ мировому, что въ фруктовомъ саду поломано деревьевъ на сумму, примѣрно, до полутораста рублей пятидесяти трехъ копеекъ... и. т. д.

Договариваться этого нечего и незачемъ.

— И много-ли жь? спрашиваетъ отецъ Иванъ.

— Пять-де-сять рубликовъ!...

— Барзо! говорить отецъ Иванъ.

И смыслемъ мы потомъ за чайкомъ довольно весело. Любо намъ толковать о томъ, какъ „онъ“ не хотѣлъ платить, вертѣлся, изворачивался, а все-таки заплатилъ... Любо было знать, что мало того, что заплатилъ, да и еще сколько денегъ извелъ — бѣда!... Иной разъ, вѣрите ли? вспомниши теперь, такъ просто страшно!... Точно разбойники собрались или волки — такие у насъ бывали звѣриные разговоры...

— Да заплатить ли? спрашиваетъ отецъ Иванъ.

— Запла-атить.

— Да есть ли деньги-то у него?

— Пятнадцать тысячъ въ банкѣ!

— Справку что ли дѣлалъ?

— А то какъ же? Извѣстно справился...

— А ну, какъ упрется?

— А въ острогъ не хочешь? Вѣдь онъ — надворный совѣтникъ, неужто захочетъ на старости дѣлъ подъ арестомъ сидѣть? Отдастъ!

— Много ли ты съ него кладешь?

— Пятьсотъ!

— Ничего... Хорошо, какъ отдастъ то!

— Отдастъ! Подведу подъ обухъ, такъ отдастъ!... У меня шрамъ-то, какъ ударилъ, по сей-часъ цѣль... Отдастъ!

— Дѣло хорошее!..

Вотъ такимъ-то родомъ звѣринствовали мы. И говорю вамъ, что въ это время, по совѣсти, потому что совѣсть то моя оказалась свиною, по совѣсти, полагаю я, что только рубль — настоящее дѣло. Что только кусокъ въ желудкѣ, да жена нючью рядомъ — настоящее удовольствіе, а все остальное — только такъ... Какъ ни совѣстно, а скажу вамъ, что и на свои служебныи обязанности я смотрѣлъ только такъ... Для виду, казалось мнѣ устроена школа, ибо чувствовалось мнѣ, что никакой науки не надо, и все это средство только „получить со школы“ что нибудь. „Только такъ“ — разъезжаеть посредникъ и другое начальство, а что крестьянинъ, мужикъ работакъ, воротиль и забѣлъ, такъ это мнѣ казалось вполнѣ законнымъ. Я ни капельки не думалъ объ этомъ, потому что мужикъ такъ былъ самъ пропитанъ сознаніемъ своихъ обязанностей, что не давалъ труда подумать о немъ, особливъ человѣку съ такимъ свинымъ наклонностями, какъ у меня. Я не приневоливалъ его давать мнѣ свои деньги, своихъ куръ, свои пироги, не приневоливалъ его служить молебень отъ червя; онъ не обажался на меня, если молебень не помогалъ ему. Отслуживъ и получивъ съ него деньги, я, въ случаѣ неудачи, ни чуть не чувствовалъ на душѣ укора, потому что ни разу не слышалъ я отъ мужика упрека себѣ въ этой неудачѣ моей молитвы. На противъ, онъ, мужикъ, приписывалъ неудачу своему грѣху, считалъ себя виноватымъ, недостойнымъ милости божией, а я, дѣяконъ, вмѣстѣ съ отцомъ Иваномъ, мы ходатайствовали за него. „Не умолили царицу небесную!“ говорилъ, съѣдаемый червемъ, крестьянинъ. — „Да, грустно говорилъ ему отецъ Иванъ, прогнѣвался на васъ Господь, и отчего? прибавлялъ онъ. Все отъ того, что не радѣете къ храму божию. Ты бы, вотъ, ежели бы, конечно, былъ въ васъ Богъ, взялъ бы да подсобилъ когда нибудь отцу-то твоему духовному. Ань бы и зачлось у Бога... А то, вотъ, тогда только и приходить въ сознаніе, когда уже Господь совершенно разгневывается и пашлетъ кару“. — „Это вѣрно!“ говорить мужикъ. — „Ну, то-то и есть, поди-ко вонъ, да перевози мнѣ дубки изъ Егоркиной рощи, ань и легче будетъ.“ — „Съ монимъ удовольствіемъ!“ говорить мужикъ, и дѣйствительно съ великою охотою принимается возить дубки, вѣря, что черезъ это онъ угоджає Богу. Поглядишь на эту непрітворную охоту, желаніе

возить дубы и ворочать камни для тебя, посредника между деревней и небомъ, и право позъришь, будто все это такъ и надо.

Коротко вамъ сказать, черезъ пять-шесть лѣтъ и совѣсть, и сердце мое сильно позатянулись толстымъ слоемъ равнодушія ко всему... Уважать я уже почти никого не уважалъ, зная, что почти всѣ плутаютъ, наровятъ поддѣть другъ друга, чтобы больше захватить самому. Былъ доволенъ, что и мнѣ отведенъ на земль уголокъ и дана возможность не оставаться съ пустыми руками. И болѣе не думалъ ни о чёмъ и не вѣрилъ ни чему, что не было простымъ свинствомъ... И въ такой-то дѣственной душѣ, вдругъ проснулась совѣсть... Не чистое ли это наказаніе божіе?

V. З а р а з а.

Случилось это совершенно неожиданно. Еще бы годикъ-другой, и на моей совѣсти наросла бы такая кора, которой не прошибить бы никакими шулями. Но вышло иначе. Дѣло произошло самымъ простымъ манеромъ: — Пріѣхала къ намъ въ село учительница въ земскую школу. Госпожа Абрикосова. Фигурка изъ себя довольно поджарая, хлябковатая... и изъ новыхъ. Очень это насть смѣшило съ отцомъ Иваномъ. Привыкнувъ смотрѣть на всѣ людскія дѣла и помышлевія, какъ на средство получить кому-нибудь съ кого-нибудь рубль, мы не могли безъ смѣха видѣть того, кто думалъ иначе. Кромѣ того, все новое, само по себѣ, намъ уже казалось глупостію. У насть были примѣры помѣщиковъ, затѣвавшихъ въ своемъ хозяйствѣ новые порядки и кончавшіе раззореніемъ, при всеобщемъ смѣхѣ сосѣдей и всѣхъ опытныхъ людей. У насть были передъ глазами тысячи нововведеній правительственныйыхъ, которыхъ оканчивались ничѣмъ или подтверждали только нашу теорію, т. е. нововведеніе было только такъ, а суть состояла въ умѣніи во имя этого нововведенія, какъ можно больше получить пособій, прибавокъ, разѣздныхъ, подъемныхъ и, наконецъ, награду, конечно, если можно, денежную. Только такъ смотрѣли мы и на крестьянскую школу. „Все рубликовъ пять дай сюда“, говорилъ отецъ Иванъ опредѣляя этими словами и цѣль существованія школы и, личная къ ней отношенія. Судите теперь, какъ было намъ смѣшино смотрѣть на госпожу Абрикосову, которая, на нашихъ деревенныхъ, свинцовыхъ глазахъ, стала добиваться чего-то отъ сельского общества, сутилась, бѣгала изъ угла въ уголъ и роптала. Очевидно, она хотѣла произвести какое-то нововведеніе, а мы, глада на то, какъ къ ней относилось сельское общество, тоже смотрѣвшее на ея нововведеніе только такъ, какъ оно надувало ее и сердило, могли только хо-

хотать сидя за чайкомъ и удивляться вновь прибывшей учительницѣ.

— Получала бы себѣ свои десять рублей, да сидѣла бы смирно, говорили мы.

— Чего еще? говорилъ отецъ Иванъ. — Десять рублей — хорошия деньги!

— Еще бы!.. За даромъ-то!..

— Это и я бы, пожалуй, взялся такъ-то... Право... да что-же? говорилъ отецъ Иванъ. — Все — „дай сюда!“

Вотъ эдакимъ манеромъ смотрѣли мы на госпожу Абрикосову. Кромѣ того, и изъ себя она, какъ я уже говорилъ, была не очень, чтобы... Такъ что вообще — была она у насть въ полномъ равнодушії.

Не помню, какъ, когда и по какому случаю, только однажды зашелъ я къ ней. Общество отвело ей сырую и разореную избу; ни лавокъ, ни скамеекъ не было, ничего еще не приготовлено, хотя давно было все обѣщано. Засталь я ее въ такомъ видѣ — сидѣть на полу, — разосланъ платокъ эдакой, ковровый, на полу, — закутана отъ холода въ какія-то трапочки, а кругомъ ея штука десять ребятъ — и мальчики, и дѣвочки. Тоже укутаны кой-чѣмъ, должно быть, это госпожа Абрикосова ихъ укрыла, потому трапки-то не деревенскія были. Сидѣть они такимъ манеромъ и учатся.

— „Что вамъ, говорить, угодно, отецъ дѣяконъ?“

— „Я, моль, такъ.“ — „Ну, извините, говорить, теперь мнѣ некогда.“ И продолжаетъ. Это меня озадачило. Все же таки, какъ бы тамъ ни было, пришелъ человѣкъ, очевидно, въ гости, и эдакъ... хороший человѣкъ, по нашему, сейчасъ бы разогналъ всѣхъ этихъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, сейчасъ самоваръ бы, да передъ чаемъ по рюмочкѣ. А тутъ какъ-то довольно сухо, и эдакъ... непріятно. Даже я заскучалъ отъ этого. Сѣль, самъ не знаю зачѣмъ, на полъ и сижу. Сконфузился я весьма. Такъ вѣдь что-жъ вы думаете? Быть-два часа ни словечка съ гостемъ не сказала — все учить. Толкуетъ, толкуетъ, разъ двадцать одно и тоже повторить, да разсказываетъ-то все что-то непонятное. Утомился я, себя не помню. Голодъ сталъ чувствовать, захочлось закусить, водочки, селедочки, на желудкѣ ворчигъ, а она все ду-ду-ду... Встать уйди — не могу, ужъ очень я сконфузился отъ пріему, а слушать устаешь, не привыкъ долго быть безъ угощенія! Просто, смерть! Разломило всего, въ бокахъ боль, потъ!.. Такая меня взяла досада на ребятишекъ на этихъ — такъ бы всѣхъ и разогнала по шеямъ. Наконецъ, уже кое-какъ кончили. — „Ну, говоритъ, идите теперь по домамъ, а вечеромъ опять приходите, кто хочетъ — сказку буду читать!“ — „Всѣ придемъ!“ закричали и стали съ ней цѣловаться, говорятъ: „милая Марья Васильевна“, „желанная“. Точно родная семья. И

это мнѣ очень непріятно показалось, очень не хорошо. То есть, хорошо-то хорошо, я вижу, что такъ и надо, а и-непріятно какъ-то... И даже, какъ будто не въ душѣ, а на желудкѣ у меня стало непріятно; у меня тогда все на желудкѣ больше обозначалось. Что-то въ родѣ, какъ саднить.... Ушли всѣ — „Вотъ теперь, говорить, пожалуйте ко мнѣ!“ Пошелъ. За перегородкой столъ и кровать. На столѣ книги. Окно все въ снѣгу. — „Вотъ, говорить, тутъ я сама работаю!“ — „Дурное, говорю, у васъ помѣщеніе. Вы бы, говорю, сударыня, жалобу на нихъ (на мужиковъ конечно)!“ Засмѣялась. Стало мнѣ нѣсколько легче. Оправился я, почувствовалъ въ себѣ развязность, говорю: „Да въ самомъ дѣлѣ, что на нихъ смотрѣть?... Имъ говорю, смотри въ зубы-то!.. Вотъ какъ пріѣдетъ посредникъ, да разузнаетъ, какъ слѣдуетъ, такъ и явится все. Нѣтъ, сударыня, говорю, тутъ безъ палки ничего не будетъ.“ Смѣется все. А у меня еще болѣе прибавилось развязности, и сталъ я въ юмористическомъ эдакомъ родѣ, описывать ей, какъ мы Христа славимъ; изобразилъ эдакъ ей, что вотъ, моль, и въ нашемъ духовномъ дѣлѣ нельзя безъ этого обойдтишь. Придешь къ инои, отславиши — хватъ, въ избѣ никого нѣтъ: хозяинъ спрятался, за дверью гдѣ-нибудь стоитъ, вытянулся. „А, говоришь, другъ любезный, ты что-жъ это, такъ-то почитаешь отца своего духовнаго!“ „Прости, говорить, батюшка, ей-ей ничего нѣтъ.“ А между прочимъ, курица по сънямъ бѣгаетъ, что уже явный обманъ... Естественно — ухватиши курицу и уйдешь, только такимъ манеромъ съ ними и можно.“

— Излагаю я это все въ юмористическомъ эдакомъ видѣ, въ насмѣшиливо-веселомъ тонѣ, и вижу: таращить на меня глаза и ужъ не смѣется. — „Неужели, говорить, это правда?“ — „Истина правда, говорю, да и еще ей эдакимъ же манеромъ, въ юмористическомъ же, въ эдакомъ игривомъ тонѣ, изобразилъ ей нѣсколько шутливыхъ анекдотовъ. Заключеніе вывелъ ей такое, что смотрѣть имъ въ зубы — невозможно, что надо съ ними не очень, чтобы тонко...“ И вдругъ, не давши мнѣ окончить, — „батюшка, говорить, да вѣдь вы проповѣдуете прямой разбой!.. И встала вся зеленая. — Это — денежной грабежъ, говорить.“ И забѣгала по горницѣ. У меня въ зобу, ровно коль засѣль отъ этого. „Какъ разбой?“ Разинулъ я ротъ и не понимаю. Главное, въ совершенно шутливомъ и юмористическомъ тонѣ происходитъ разсказъ, и такъ непріятно поразить человѣка, съ этакою неделикатностью прямо ему, можно сказать, въ морду. — „Какъ, говорю, разбой?“ — „А какъ же, говорить: — вы проповѣдуете просто грабежъ. Рекомендуете мнѣ жаловаться посреднику, чтобы съ нихъ взыскать силой — мнѣ, которой

они изъ послѣднихъ копеекъ платить жалованье, когда, говоритъ, имъ приходится работать, работать на всѣхъ, платить въ сотни мѣстъ, когда еще отецъ ихъ духовный придетъ и возьметъ послѣднюю курицу. Неужели же это не денежной грабежъ?“ — Какъ же иначе-то? Какъ же, какимъ манеромъ, говорю, получить за труды? Ежели человѣкъ за свои труды не получаетъ, то какимъ же родомъ иначе? Съдовательно, говорю, если опи-сываютъ, по приказанію начальства, имущество не-плательщиковъ — и это грабежъ? Да ежели бы не эдакимъ манеромъ, такъ и вы бы, говорю, вашего жалованья, сударыня, не получили во вѣки. Ежели бы, то есть, безъ понужденія...“ — „Да неужели-жъ, говоритъ, вы думаете, что у меня руки подымутся взять съ нихъ хотя мѣдный грошъ! Я сама готова отдать имъ все, что у меня есть, и это жалованье, и все, что я заработаю. Братъ съ нихъ! съ этихъ босыхъ дѣтей, съ этихъ отцовъ, которые прачутся за дверь отъ духовнаго отца. Братъ съ нихъ!.. Да неужели это возможно?.. Неужели, серѣзно, въ самомъ дѣлѣ, вы можете схватить курицу? Вы шутите, батюшка, не правда ли?..“ — „Къ прискорбію, говорю, хватаемъ и курь... когда видишь уклоненіе...“ — „Отъ чего уклоненіе?“ — „Отъ вознагражденія?“ — За что? — „Да за трудъ, сударыня, за трудъ...“ — „Да что такое именно вы дѣлаете, за что вамъ надо платить?“ И опять у меня отъ этого вопроса стало очень непріятно, какъ-то даже досадно. Отчего, и самъ не знаю. Даже взбѣсило это меня. Да, въ самомъ дѣлѣ, неужели не трудно человѣку встать до свѣту, къ заутрени. Иной бы преоглично почивалъ съ супругой, а тутъ изъ теплой-то постели, да на морозъ... Да съ требой по холоду, да къ боли, но-чью, въ слякоть... Какъ же не братъ за труды. Попробовала бы, моль, ты сама этакъ-то, такъ и узнала бы, какъ это курь ловятъ. Разозлила меня. — „Какъ знаете, говорю, сударыня. Очень непріятно, что огорчили васъ.“ И ушелъ. И такъ мнѣ было непріятно. Главное, что внезапно случилось. Шелъ себѣ человѣкъ такъ, просто попить чаю, напримѣръ, и вдругъ ему эдакъ... чуть не „воръ“! Поплелся я отъ нея въ этакомъ разстроенному положеніи: и какъ будто стыдно и сердиться. Въ очень скверномъ былъ я, отъ этого визита, состояніи. Но какъ только рассказалъ я все отцу Ивану, такъ все и прошло, и не стыдно ничего, и опять очень весело стало. Отецъ Иванъ сразу разобралъ это дѣло такъ: впервыхъ, все это — не болѣе, какъ шутка. Денегъ она братъ не будетъ, положимъ; бывали такие примѣры; но это только подвохъ, чтобы быть на виду, потомъ забрать въ руку что-нибудь почище, выскочить въ прогимназію и ужъ тамъ запаивать сколько хватитъ. Во-вторыхъ, это — земство дѣлать контру вачальству; посредникъ Гам-

летовъ самъ будетъ платить учительницъ, чтобы она отказывалась отъ жалованья, чтобы тѣмъ пропасть... И тутъ, отецъ Иванъ спелъ удивительный, тонкій, какъ кружево, планъ, по которому посредникъ, по его мнѣнію, долженъ быть, путемъ разныхъ штукъ, пробираться къ чему-то такому, гдѣ можно зацепывать сколько вѣзть. Наконецъ, ужъ ей-ей не могу вамъ теперь разсказать, какъ, на какомъ основаніи, только всѣ мы, я, отецъ Иванъ, жена отца Ивана и моя жена, всѣ мы поняли, рѣшили, что учительница — просто любовница мироваго посредника. Почему? Да потому, что изъ-за чего же ему платить ей свои деньги? Изъ-за чего же ей отказываться отъ своего жалованья, если у ней съ посредникомъ нѣтъ стачки, помощію которой онъ и она вытаскиваютъ другъ друга къ какимъ-то выгоднымъ мѣстамъ. Такъ тонко плутаютъ только преданныя любовницы. На этомъ мы и порѣшили. Намъ необходимо было порѣшить на чёмъ-нибудь такомъ, отчего бы намъ было по-прежнему покойно. Непремѣнно намъ хотѣлось и на душѣ, и на желудкѣ сохранить тоже благополучіе и ту же ясность, что была у насъ всегда, и намъ надо было придумать что-нибудь, чтобы непріятный фактъ былъ подложенъ подъ наши взглѣды. Подладили мы его, какъ сами видите, очень топорно, — но для насъ было и это хорошо. Правда, въ ту же ночь, когда мнѣ случалось проснуться, мнѣ, не смотря на составленную нами на счетъ госпожи Абрикосовой теорію, становилось какъ-то неловко. Точно сонъ какой-то дурной видѣлъ. Припоминалась она мнѣ въ ту минуту, когда, позеленѣвъ отъ гнѣва, сказала: „да это — грабежъ...“ Припоминался ея горкій вопросъ: „да неужели вы хватаете курь?“ и другой вопросъ: „да точно ли, вы въ самомъ дѣлѣ, дѣло дѣлаете? Точно ли, моль, вамъ надо платить?...“ Становилось мнѣ отъ этого какъ-то очень и очень тоскливо, тяжело, какъ будто что-то мелькало въ глубинѣ совѣсти, что-то начинало чуть чуть свѣтиться тамъ, едва обрисовывая какія-то неопределенные, безобразныя фигуры. Я торопился улечься опять въ постель, подъ горячій, неподвижный, какъ камениая стѣна, бокъ жены и, чтобы успокоиться, задавалъ себѣ вопросъ: Изъ-за чего же она-то? И такъ какъ вопроса этого я не могъ, положительно не могъ разрѣшить чѣмъ-нибудь, кроме выгода, то и возраженія госпожи Абрикосовой на мои мнѣнія о понужденіи мужиковъ и ея гнѣвѣ на курицу, и безкорыстіе, казались мнѣ не болѣе, какъ штуками. Если это — не штуки, думалъ я, такъ изъ-за чего же бѣется она съ утра до ночи съ мальчишками и дѣвчонками; изъ-за чего она не требуетъ себѣ хорошаго помѣщенія, а забнеть въ какомъ-то хлѣву, изъ-за чего не беретъ жалованья?..

(Кон. слѣд.)

Листы зъ Исландіи.

Новеля Г. Чокого.

XVI.

Майже таку саму розмову, и майже въ тѣмъ самомъ часѣ, вела и совѣтникова съ своимъ братомъ. И ей такъ само, якъ панѣ Сааръ, не пощастилося.

— „Чи хочешь, чи нѣ“, сказала она, я мушу съ тобою поговорити о Фридolinѣ. Ничого бѣльше не бажаю, якъ того, щобъ она подобалася тобѣ. Она дуже добра дѣвчина — всѣхъ собѣ уняла. Заложи-лабымъся, що тебе любить.“

— Я противно переконаный, сказалъ Людвикъ; — а еслибы она мене и любила — то я не могу... прошу тя, оставь мене въ спокою.

— „Нѣ, Людвикъ, ты обманюєшъ самъ себе. Фридolina съ певностю не есть мене чувствительна, мене образована, якъ твоя Отилія; а, если хочешь знати, то она о много краснѣйша отъ твої знакомої — незнакомої. Моглабымъ еще дальше продолжати то порбнанье, и навѣть такъ зроблю — только пожди, много бо еще нынѣ довѣдаюся.“

— Зъ отки?

— „Отъ панѣ Сааръ.“

— Она знає Отилію? она ю знає?

— „Буде мати о ней вѣсти. Отилія тутъ очкують. Она бувати має въ нашихъ товариствахъ.“

— Добре, Терезо, тогды, а не скорше, дамъ тебѣ рѣшаючій отвѣтъ.

— „Надармо! Ты самою фантазію ведешся. Ожидашь ангела побачити, а найдешъ цѣлкомъ звичайну дѣвчину и — съ неохотою отвернешся отъ неї! Не понимаю, якъ то може бути, щобъ чоловѣкъ съ такимъ образованьемъ, знакомостю людей и досвѣдомъ якъ ты, мігъ ся такъ грубо обманювати? Колькожъ то дѣвчатъ мусѣлоби ся въ той способѣ залюбити въ однѣмъ або въ другомъ писателю або поэтѣ! Але то вѣдома рѣчъ, що и поэты не все въ стихахъ говорять; що зъ вашихъ устъ не все бесѣда музъ пливе, що вы только пишучи, богамъ рѣвнаетесь, а въ щоденномъ житїю буваете цѣлкомъ прозапичними людьми. До щастливого супружества трохи бѣльше треба, якъ буйної фантазії. Здоровлье тѣла и душї, неминаюча скоро веселостъ, терпѣливе зношеніе блудовъ другого, даръ надавання одностайности щоденного житїя вида красоты и новости — то дѣлає супружество щастливымъ.“

— Дивѣтъ ся! яка философка! сказалъ усмѣхаючись Людвикъ.

— „Жартуй собѣ. Знаю, що потрафилбись то лучше отъ мене сказати. Але и найлучшій лѣкарь, если есть хороший, не знаетъ добре своего состоянїя и не выбере лѣку цѣлющого, — тоже охотно

принимае его зъ рука своего ученика. Я сама не много читала; але досвѣдчилаамъ того на другихъ, шо много читати вредитъ и головѣ и серцю. Всѣ занадто очитаній тратятъ свою индивидуальну самостійность — мимоволі стаются наслѣдователями героявъ прочитаныхъ повѣстей. Нѣкогли не суть въ жити щоденномъ тымъ, чимъ бути повиннѣ: бо хотять бути чимсь бѣльшимъ, якъ мы, звычайнї люде. Безсильнї до доброго, хотятъ блудами отличатися! Кажутъ, шо свѣтъ зѣпсованый, не для нихъ сотвореный, якъ гадаю для того, шо кромѣ чистого серця и здорового разуму ничего болѣше не потреба, щобы на немъ бути щастливымъ. Знаю много дѣвчатъ, котрї собѣ очи выплакують надъ долею героявъ романовъ — а встыдалибыся пѣднati старца упавшого на улицы! Знаю такї матери, котрї представляютъ любовь и привязанье до дѣтей въ стихахъ дуже чувствительно, — а тымчасомъ власнї ихъ дѣти гинуть зъ голоду и браку дозору.

— Чи не скочешъ яснѣйше выразитися?

— „О, знаю я такожъ и мужчинъ, котрї зъ замилованья до романтизму и незвычайности тратятъ спокой и щастливость домашну.“

— А я зновь знаю женщины, котрї, впрочемъ образованї и мили, однакъ вѣчно перечать и сварятся, жадаючи, щобы все по ихъ воли ишло; котрї ніякъ немогутъ того поняти, шо кто може инакше чувствовать и гадати, якъ они; котрї кожного чоловѣка, не поступающаго послѣ ихъ уподобанья, называютъ романсовымъ героеемъ!

— „Не потрафиши мене розгнѣвати. Прошу тя Людвикъ, будь самъ для себе отвертымъ! Любишъ Фридолину, а однакъ не хочешь ю любити, для того только, щобысь осталъ вѣрнымъ Отиліи. Чи такъ?“

— Освѣдаю тебѣ, Терезо, торжественно и по разъ послѣдній: Фридолина есть менѣ цѣлкомъ обоятна. Мое серце ничь до неи не чувствує. О любви не може гадати, а тымъ меньше о женячцѣ и баста!!!

Терезу закликали: панъ Сааръ приїхала.

Нехай ся нѣкто самовольно не мѣшае въ серцевѣ справы двохъ любячихся. Суть бо они душевно слабї и мають для того свои различнї капризы. Звычайно бажаютъ они того, шо есть противне нашимъ жданьямъ. То повинна була знати такъ панъ Сааръ, якъ и Тереза. Але выздоровѣвші забываютъ звычайно, якими були въ слабости. И власне для того, шо обѣ тіи запобѣгливі дамы гадали всея якъ найлучше зробити, погрѣшили только цѣлу справу.

XVII.

Бѣдный Людвикъ! не такъ дуже булъ онъ владѣтелемъ своихъ чувствъ, якъ то собѣ представлять. Всѣма силами старался затерти образъ Фридолины въ своей памяти, докладалъ всякои старан-

ности, щобы себе переконати, шо только еи прелестный видъ заслѣпиль и занялъ его на хвилю. Жертвовати тревалу любовь дѣвчины и вѣрность, котра его черезъ три роки одушевляла, за побѣжну, мовь четыренедѣльну знаемѣсть съ другою дѣвицею, отличаючоюся вправдѣ отъ другихъ внѣшною красою, —уважалъ за щось негдѣного его мужеского достоинства исталости характера.

Безъуспѣшный его трудъ! Надармо знялъ образъ Отиліи зъ грудей, и въ найнебезпечнѣйшихъ хвиляхъ вдивлялся въ него. Еи сине око усмѣхалося такъ лагодно, якъ передъ тымъ; золотый еи волосъ окружаль еи чоло такимъ самымъ блескомъ якъ и передъ тымъ, але непостережно помрачалося его тѣлесне око, а передъ его душою уносился образъ Фридолины, съ тою невысказаною прелестю, яку надае молодость и любовь. Еи чорне око здржало глубоке чувство, а цѣлый выразъ лица — живость и доброту серця.

Разъ оказалася ему, якъ тогди въ огородѣ, озарена блѣдымъ свѣтломъ мѣсяця; то зновь уносячися коло него въ танцю, при яркѣмъ свѣтлѣ сотень свѣчокъ, истинный образъ веселон молодости.

— „И она мене любить, она любить мене!“ говорилъ тогди въ восхищенью и смутку заразомъ. Зновь дивился на образъ Отиліи. Въ еи невинныхъ очахъ читаль тихій упрекъ за свою невѣрность. Самъ себе обвиняльт. Страшнї терпѣль муки — сто разъ волѣлбы булъ остатися въ ледоватой Ляпляндії. Ахъ, тамъ на твердыхъ кожахъ дикихъ звѣрей спаль бити спокойнѣйше, якъ тутъ на мягкихъ пухахъ.

Не безъ удовольствїя догадовалася Тереза, враженою женщинамъ проникливостю, внутренной борбы Людвика.

— „Добре братчику, сказала она до него, я виджу, шо ты, якъ правдивый рицарь, остаешь вѣрнымъ твоей избраннѣй. Не хочу тутъ брати на себе ролю злосливои русалки, и роздѣляти два любячіяся серця. Боже борони! М旣 плянъ вправдѣ не повелся, однакъ твое щастье все болѣше цѣню, якъ мои желанья. — Будь спокойнымъ. Такожъ Фридолина, ты правду казаль, я ошибалася....“

— Що Фридолина? спыталъ скоро Людвикъ.

— „Не любить тебе. Она есть, але только щобысь того дальше не розговорювалъ...“

— Она есть? — повторилъ Людвикъ.

— „Тайно съ другимъ заручена.“

Въ той хвили Людвикъ не видѣль и не чуль нѣчого; самъ не зналъ, чи стоитъ, чи сидитъ, чи ходить. Много еще говорила Тереза, але Людвикъ стоялъ якъ мертваго статуя; зъ цѣлонъ еи бесѣды не розумѣль и слова.

— „Якій же ты незносный! сказала она и встрыасла ею рукою якбы го хотѣла зо сну збудити. „Чи то подяка за ту веселу новину? Не завидую Отилії

такого любовника. Я ожидала, что ты зъ радости упадаешь менѣ до ногъ, руки мои покрышь поцѣлуюми, и чимъ скорше спытаешь: гдесть она?

— Фридолина? — Щожъ мене обходитъ тая дѣвчина?

— „Стась несправедливымъ и ображаютимъ для неи. Встыдайся! але о томъ поговоримъ познѣши. Я теперь о ней не говорила.

— Якъ то? тажъ ты сказала, что она тайно съ другимъ заручена.

— „Але сказала я такожъ, что Отилія приѣхала, що она есть въ столиці, и що надѣюся за колька день познакомитися съ тымъ твоимъ незнакомымъ ангеломъ.

— Отилія тутъ?

— „Якъ озябло то говоришъ! — Сама не знаю, що маю о тебѣ гадати, справдѣ такихъ любовниківъ якъ ты, то и десять для одної дѣвчина не за много.“

— Гдѣже мешкає Отилія?

— Не знаю. Я теперь уже ничъ не знаю, мой господине. На другій тыжденъ будешь ю видѣти въ товариствѣ межи двадцѧтма іншими, незнаючи о томъ. Если ю на першій поглядъ познаешь, тогда увѣру въ симпатію душъ, въ взаимне порозумѣванье ся духа.

XVIII.

„Надѣюся, що не на правду таки хочешь отъѣздити? сказала панѣ Сааръ до Фридолины.

— Мой стрый желає, щоби повернути до дому; отповѣла Фридолина.

— „Що ся касає стрыя, то уже я его перепрошѹ. Образиши мене, если такъ скоро отъѣдешь. Буду мусѣла гадати, що погнѣвалася за мои невинній жарты. Слибимъ була скорше то знала о г. Гогенгаймѣ, що теперь довѣдалася, николи бымъ того не була зробила.

— Щожъ ты о немъ знаешь?

— „Вчера говориламъ съ совѣтниковою, такъ цѣлкомъ поуфало...

— Чайже не могла щось злого о немъ сказати?

— „Розумѣє ся, що нѣ. Але я гадала, що Гогенгаймъ тебе любить. Гречність держала я за чувство. Однакъ рѣчъ маєся інакше: Гогенгаймъ тебе не любить.

— Тымъ лучше. Властиво кажешь менѣ то, що я уже давно знаю. Мужчины, которымъ все пообирається, не люблятьничого.

— „Нѣ, моя мила, у Гогенгайма такъ не есть. Серде его уже выбрало, а би вѣрный тому выборови.

— Такъ?

— „Має то бути прекрасна дѣвчина. Бльондива съ синими очима.

— Такъ? Менѣ то все рѣвно.

— „Всѣ тобѣ рѣвно? пытала усмѣхаючись панѣ Сааръ, взыавши ю за рука.

— Въ самой рѣчи. Чижъ ты може інакше гадала? отповѣла Фридолина дивлячись мрачно передъ себе.

— Я однакъ любопытна, тую его золотоволосу красу познati. Незадолго має она тутъ приѣхати. Мусиншь ся тутъ лишити, хотай щоби только познati вкусъ Гогенгайма.“

— Справдѣ! не сталобы за трудъ! Позавтра на кождый случай отъѣжджаю. Про мене може собѣ и десять бльондинъ обожати — желаю му щастя.

— Твое лице, мила Фридолино, въ суперечцѣ съ тымъ благожеланьемъ. Якій морщки на чолѣ, якъ насутились брови! Чи тобѣ въ самой рѣчи то все рѣвно?

Фридолина молчала, и хотѣла освободити свои руки зъ рукъ панѣ Сааръ.

— „Чи може гнѣваєшь ся на мене? спытала панѣ Сааръ.

— Совсѣмъ нѣ!

„Подивися на мене — въ очи! Фридолина піднесла очи — були они полній слезъ. Теперь она вырвалася зъ рукъ панѣ Сааръ и плачуши голосно, утѣкла до своеї комнаты.

Тутъ взяла она звяжу рожу, отриману колись отъ Гогенгайма, и немилосердно оббрвавши листки, выкинула ю за бкно, на играшку вѣтрамъ.

(Кон. слѣд.)

ЛІТЕРАТУРНІ ВѢСТИ И КРИТИКА.

I. Прилога „Лопаты“. Бесѣдка II. Помаранча. Новелетта. Написаль Володимиръ Билинскій. Коломыя 1876; въ 80, стр. 32.

Не новина, що у насъ, въ Галичинѣ, руска образована кляса займається лектурою польскою. Наші органы нарѣкають і сожалѣвають надъ тымъ сумнимъ проявомъ, що трає такъ важну роль въ исторії дегенерації коренного руского населення. Найдутся такій, що стараються противудѣйствовать той навычцѣ, злой і неизбѣжной, однакъ той добрий вильыв параліжують другий, по бблѣшь части нашї „новелисти“, впихаючи черезъ свои творы читаючї рускї публицї такої насильно польской книжки повѣстей до рукъ.

Въ краяхъ, где пишеться і печатається много, знаєне зла книжка, появившася спорадично помежи великимъ числомъ добрыхъ і не зверне на себе уваги широшь публики; но коли при такъ страшномъ убожествѣ литературнѣмъ нашого края, публикуючися самая дрань, коли „литераты“ силовъ-мощю стараються нанести рускому слову ганьбу: тоды и добра книжка — если ся припадково появить, пропадає безвѣстно, засыпана дощемъ литературныхъ куріозовъ, придушена въ болото бблѣшинствомъ лихоты.

Публика, опарена колька разъ такими индивидуами, що важатися ю такъ гідкимъ способомъ зневажати, знеохотите і не возьмете по разъ десяти книжки — хотя бы она були і добра — до науки, а принуждена морально конче щось читати, возьмeseя до сочиненій не рускихъ, якій въ высшой степени будити суть въ состоянію еї интересъ.

Такимъ то способомъ наші повелісты компромитуютъ писане руске слово передъ опинію рускои публики, а до ихъ числа смѣю почислiti автора „Помаранчи“.

Понеже подобный родъ писамъ зачинается у насъ появляти эпидемично, и наносить литературнай нашей жизни великую шкоду, то хочу надъ „Помаранчо“ довше застановити.

Зъ горы заявляю, що рецензія подобной абъераціи духовного твору, якъ „Помаранча“ може на себѣ носити лише чисто патологичный характеръ — все ту хоре, все гниль...

Вже то судьба нашихъ галлцкихъ литераторовъ — повелістовъ, що один изъ нихъ впадаютъ въ идеализмъ другій въ — ідотизмъ. Ту носятъ крайностъ, представляе намъ „Помаранча“. Превосходитъ она всяке понятіе!

Для чого наші писаки берутся до новелетъ — такій иринаймѣй заголовокъ даютъ своимъ творамъ — тое легко каждый пойме, кому случилося бодай разъ щось подобного читати. По просту не чуются въ силѣ написати щось большого, лѣпшого, серъознѣйшого, и мыслять, що злѣпити „новелету“ еще найлекше, хотя о вымогахъ, якія ставляють до того рода литературныхъ творовъ, найменьшого немають понятія.

Принятымъ черезъ рецензентовъ способомъ хочу ся застановити напередъ надъ содержаньемъ, а потомъ перейти до другои части критики и сказать где що о формѣ „Помаранчи“, новелеты Володимира Билинскаго:

Що до первои стороны тои „новелеты“ (*sit venia verbo!*) то замѣчу, що въ ней не только нема жаднои провѣдной идеи, безъ корои кожде литературне сочиненіе не має вартости, но, що не знайдешъ нї однои здоровои гадки. О якбъс артизмѣ въ композиції, инвенціп, ба о интризѣ, безъ корои „новелеты“ никто не пойме, ту не ма и бессѣды; противно, насуваеся гадка, якъ мੋгъ академикъ, якъ мੋгъ вообще образованый человѣкъ, або маючій хотя претенсію до образованья, склеїти таку лихоту, здобути ся на таку нужду?! Якъ важився въ той спосѣбѣ профановати такую галузь краснои литературы? А зъ другои стороны якъ змоглася ч. редакція „Лопаты“ яко прилогу гумористичной газеты своеи щось подобного въ свѣтѣ пускати; якъ може вѣнци г. Бѣлоусъ такими ийсенітницями свою „Бесѣдку“ заповняти, и справдѣ при издательствѣ книжокъ только „Гeschäft“ мати передъ очима!

Щобы однако читатель не думавъ, що я ся за надто упѣхъ въ моємъ судѣ, що та рецензія має мати цѣли несправедливои инвективи, хочу подати коротке содержанье „Помаранчи“ а щобы сочиненіе само за себе говорило, поадамъ гдекуды то содержанье словами автора.

По выставномъ мѣстѣ (Львовѣ) миналися переходячіи широкими парасолями (*sic!*) Теодоръ, философъ, сынъ середнього стану родичей и Стефанъ, правникъ, поповичъ поспѣшають „значительно“ безъ „дощохроновъ“ и такъ бесѣдуютъ:

— „Такій день о столько пріятній для прогулъки, що легко можна бачити черевики не однои красавички“, сказаъ первый.

— „Въ добромъ разѣ больше (*sic!*)“ додаль второй, приглядаясь помаранчамъ, которыи малъ въ руцѣ.

„Сровнявшись наши проходцы (?) съ студнею, которая водою самои Полтвы напивається“ (намъ видить ся, що авторъ зъ еще каламутнѣйшого жерела зачерпнувъ свое оповѣданье), почули надъ собою звеничій голосъ:

— „Чи то для мене?!“

Очевиста, проходцы здивувались, станули, оглянулись и вдивились въ окно на поверхъ „ожидая нетерпеливо открытия нечаянной тайны“ (?)

„По короткомъ часѣ выхилилась голова прибраная въ крученое волосье а разомъ и произнеслися слова:

— „А чи для...“ но скоро заумерли на щокахъ дѣвици. (NB. слова заумераютъ посля г. Билинскаго не въ устахъ але ажъ на щокахъ т. е. на лицѣ, коли вже влетѣли зъ устъ) которая въ одной хвилѣ отекочила отъ окна оставляя за собою чародѣйный и проницаючій смѣхъ доходячій до ушей нашихъ счастливцевъ...“

Чиже не поэтичный образъ: дама „прибраная въ крученое волосье“ выкрикуе на улицѣ зъ поверхѣвъ до незнаниемъ мущинъ. Звычайно мають мущины больше цивильнои отваги отъ дамъ, однакъ ту заходить впростѣ противнѣ отношеніе, бо богатырка новелеты була въ тѣмъ случаю смѣльша отъ самого автора, що по еи спожитю кождый що ино не дстане холеричного нападу.

Г. Б. взявъ тему зъ высшого свѣта, зъ каменичныхъ поверхѣвъ, та за героя своеи новелеты взявъ Русина — академика.

Выше наведена размова межи обома львовскими Русинами — академиками не дуже рожеве кидае свѣтло на житѣе наше академичне. Чиже поважный человѣкъ, прочитавши першу сторону не погадає себѣ, що намъ, тутешнимъ академикамъ только й дѣла, що въ дощѣ ходити по улицяхъ та призиратися, „черевикамъ красавичокъ“ або „въ добромъ разѣ и гдечому больше?...“

Смѣхъ тай годѣ! Г. Б. видко не знає нашого житѧ, академичнаго. У насть, хвала Богу, на университетѣ нематаюкои молодежи, що то Поляки свою прозывають „nasza ziota mlodziez.“ Русинъ-академикъ звычайно бѣдакъ — онъ не має куды и коли бавитися въ любовній авантюри... а который ся пускає на такихъ героявъ, якъ намъ ихъ незнаю чи вона чи mala fide описуе авторъ — то каріеровичъ, natione Polonus, лише „obrz. gr. kat.“ то паничъ, що днемъ волочится, нощью сидить въ каварні... Такимъ мы цураємося, якъ онъ цурає нашои народности, та протести пише по „Narodowkach“ ta Dzieniennikach..“

Но брати первого лучшаго Русина-академика, и такъ наивно го представляти — то чиста иронія! У насть нема тыхъ Burschenschaft-овъ які есть може у Вѣдни або въ Чернівцахъ.. У насть у Львовѣ праця серъознѣйша мѣжъ Русинами — академиками. Но вернѣмся до красавички съ „прибранимъ“ волосьемъ.

О еслибысъ знати читатателю яка она красна? О певно, не только щось небачивъ, но николи и не выображавъ ты себѣ такои красоты. Щобысъ мавъ таکъ велику фантазію, яка у автора „Помаранчи“, того не вымагаю отъ тебе, бо на свѣтѣ не знайде ся купа такихъ „счастливцевъ“, однакъ на одробину, яка присуджена простому смертельникови, може тебе стати.

Отже слухайте и дивуйтесь: Кручене волосье, въ котре прибрана голова „кучерами спадаетъ за обнаженую шию, а выгорсованая грудь дѣвици приводить тебе въ замѣшательство (!), що не знаєшъ, чи маєшъ смотрити на пламенное лице еи, чи на лебедину грудь... Задумана спідить дѣвица не уважая на пѣсни пташини, которой голосъ розбѣгалася (!) по широкой сали... Нѣкій дрощъ (?) являється на ей коралевыхъ щокахъ, що только сильнѣйше притиснетъ ихъ взаимно то снова встриасется сновѣ дрощъ перешолъ по ней.“ (Розберѣть змѣсь тыхъ словъ и съ двома головами...)

Потомъ „блудила заумираючимъ (?) голосомъ“ etc...

Такій то початокъ „новелеты“, а нарочно скажу, що середина еи и конецъ що найменше въ рѣбномъ отношеніи стоять до початку, если го не перевышаютъ.

По той увазѣ перейдѣмъ дальше до содержанья новелеты. Наша героиня була жѣнкою Николая, що ходивъ до инои, до Теклюнѣ... Философъ Теодоръ горячка, залюбившися по сами уха въ Манѣ, жѣнцѣ, якъ казались, Николая, пресиджувавъ съ нею цѣлыми днями и вечерами и выклікавъ въ еи помешканью даже эффектовныи сцены, а ихъ причиною было то обстоятельство, що боролося чувство „такъ“ съ чувствомъ „иѣтъ“ (Стор. 21). Результатъ той борьбы бувъ такій, що очи еи „упали“ на него, она обняла его своими руками „оставляющи на челѣ его знамя сердечного поцѣлуя. (Чи не укусила припадково). Слѣдоваль коротенький градъ поцѣлуевъ (по що?) потомъ устиснулись еще разъ, два, три поцѣлуи и вышли полни мечты, но вже съ якою то безпеченостю, ибо дѣламъ своимъ поставили цѣль“ (?)

То було бы ино едине мѣстце, где есть глубша мысль (теперь що-но бачу, щомъ несправедливо собѣ поступивъ — колимъ казавъ, що въ „Помаранчи“ нема ий однои глубши мысли). Тутки маемъ, читателю, найлѣпшій случай перекопатися, якъ дуже вплывають метеорологичній проявы на всю дѣятельность человѣка. Въ Маѣ сего року огидна була погода: що днѧ дощъ, снѣгъ, градъ, тоже еи вплывъ удѣлився и авторови; — мимо такъ горячон атмосферы, яка мусѣла безперечно панувати въ будуарѣ Манѣ, „слѣдувалъ градъ поцѣлуевъ,“ на щастье, короткій.

Замѣтили слѣдуе, що авторъ сортуетъ „поцѣлуи“ на много родовъ. Суть „сердечныи, коротеньки, солодкіи, голосныи, тихіи, горячіи,“ суть пра вильни и, суть такіи, що градомъ ся сыплють, а при теплѣйшій температурѣ, що обливають (а тѣ всѣ „поцѣлуи“ „происходять“ на двохъ сторонахъ — отъ 20 до 22).

„Но,“ говорячи словами автора, „оставмо ихъ въ томъ восторзѣ не хотѧ завидовати ихъ“ (не правда, якъ авторъ добродушный?) а самѣй перейдѣмъ до дальншого оповѣданья.

Николай, мужъ Манѣ, утѣкає съ своею Теклюненою — а Маня съ Теодоромъ — все до Яссъ, гдеся всѣ несподѣванно встрѣчають. По взаимнѣмъ выясненю рѣчи всѣ страшно утѣшилися и „воротились во Львовъ“ всѣ ся . . . поженити. але якъ? — тутъ сучокъ, а въ томъ сучку дѣра, — непонятно, во Львовѣ греко-каѳолики за державы австрійскихъ законовъ, знающихъ только розвѣдь, — такъ поженилися, що Текля отдалася за Николая, мужа Манѣ, а Маня, жѣнка Николая, за Теодора, который мабуть въ Яссахъ або по дозрѣ такои набравъ мудрости, що будучи „Философомъ“ зложивъ „статскій испытъ.“

Теодоръ, неправда, що надзвычайный человѣкъ — будучи философомъ, зробивъ статскій испытъ и оженився съ чужою жѣнкою — онъ больше доказавъ, нѣжъ самъ авторъ, коли выдавъ „Помаранчу.“

Таке то содержанье, така композиція, такій реализмъ!

Помимо тыхъ всѣхъ Deus ex machina, помимо всякои нереальности акціи, такъ що читаючи Помаранчу, хочется Тобѣ, читателю, вѣрити що то описание обычаевъ мешканцевъ Мѣсяця, тѣ зліи стороны никнутъ цѣлкомъ при зробинанью ихъ съ формальными блудами. Тіи превосходять всяке понятіе. Вообще есть ихъ ту только граматичныхъ, стилістичныхъ, навѣть ортографичныхъ (найкрайнѣйшія оттѣнки всѣхъ правописей находимъ ту разомъ зѣбрани), що если бымыся сумлѣнно хтѣвъ взяти до дѣла въ цѣли выказанья тыхъ ошибокъ, то бувбы читатель нараженый на непріятность отчитати „новелету“ зъ горы до долини.

Не роблю того отже зъ причини, що така репродукція не причинила быся до здоровъ я читателя. А языкъ, Господи языкъ! Авторъ „Помаранчи“ положивъ себѣ вѣдай ту остаточну цѣль, щобы высмѣятися не только зъ малозадумано, и зъ велико, бѣло-чорно-, обще- и пр. и пр. — рускихъ языковъ. Таке то смѣтье!

Языкъ у г. Билинскаго — то дѣйстна мѣшанина словъ и формъ великорускихъ съ нашими. Незнати, чому авторъ выкинувъ зъ цѣлої книжочки ѿ, котре въ нашомъ выговорѣ конче потрѣбне. Тому-то тяжко отдаєся для нашего уха: „возъ, пойшоль, вспольный, мимохать, въ чомъ и т. д. Якъ мы станемо выкидати знакъ за знакомъ зъ нашей правописи, то ѿтъ тогдѣ буде?! Кричимо, якъ кто пише безъ ѿ — а самѣй ще важнѣйшій знакъ зъ принятой у насъ азбуки включаемо... Будьмо консеквентными!

Авторъ думае, що коли онъ всадить колька великорускихъ та церковныхъ словъ якъ: „неможно, ибо, нѣсколько, есть-ли, спрашивая, дражайшая и т. д., то онъ покаже свою зрудицію и знанье языковъ... Мы бы волѣли, щобъ авторъ писавъ чисто по великорусски або й по старословенски... Но то штука, на то треба працї, бо треба ся одного або другого навчити!

Правда, що дуже твердо, но про твердость таки нѣкто, прочитавши ту новелету не похвалитъ еи ий що до сюжету, ий формы, ий языка — а кине на „горище мышамъ на снѣданье.“ Тамъ вже того богато — дальше и мѣсяця не стане на только смѣтья въ нашей галицкой литературѣ!...

E. Каляшко.

Крайне слово. Минаючи то, що п. Верхратскій не може отгрызатися честнымъ способомъ — поясню, чому именно критикувавъ я его „Байки“ выписами. Я, порѣвнюючи его съ Крыловымъ, сказавъ, що у Крылова житѣ, а у п. В. нема его. П. В. вытолковуяся теперь, чому онъ не написавъ такъ, якъ Крыловъ: „бо давати не хотѣвъ соловѣеви власновѣльно продуковать передъ осломъ.“ Се мѣгбы бувъ п. В. сказать такожъ о „Калинѣ“ и „Байкахъ“, въ котрихъ дѣйстно не хоче якоись продуковать поетичній талантъ. Инакшежъ изъ соловѣевъ, а инакше съ поэтомъ. Скоро поэтъ не спродуковалися въ своихъ письмахъ (хоть бы й передъ „осломъ“) — то онъ не поэтъ, бо люде судять посля того, що мають въ рукахъ, а не обовязани ходити за п. В. слухати, якъ онъ може продукуєся де въ якихъ непроходимыхъ лѣсахъ. Якъ кажу: п. В. розсуджу, морализує лишь о красотѣ — а не дає еи нагляднымъ способомъ, въ живыхъ образахъ. Дивно, якъ може такъ влюбитися въ самого себе, аби не бачити, куди бы повела така литература. яку зачавъ плодити п. В. „выступаючи на нивѣ литературы надобнои и ступаючи новою дорогою?“ П. В. ступивъ новою дорогою списуючи народні слова въ Галичинѣ — въ чѣмъ его заслуга въ взглядѣ лексикальному — але се списуванье довело его до крайності въ литературномъ взглядѣ: онъ зачавъ бачити въ живої мовѣ (не говорю о языцѣ „Слова“, або й „Друга“ и т. п.— а о людовѣй) только поодинокі слова, а загубивъ нитку, що вяже ихъ вкупу, загубивъ духа народнои бесѣди, а хто не понявъ духа народнои мовы, духа народнои поэзії, народного житѣ — тогдѣ писанье не буде належати до народнои литератури. Коротенька народна пѣсня засоромѣє всю „надобну“ литературу п. В., „знателя языка“. Тутъ житѣ — а въ „надобній“ литературѣ п. В. звѣдь словъ — трупъ! Въ „надобній“ литературѣ п. В. нема отже нѣчо нового — а его понятіе о красотѣ въ поэзії нагадує заплѣснѣлій вже теперь понятія о ий небѣщиковѣ піистовѣ. Але може бути, що п. В. думае, що онъ найбѣльшій малорускій поэтъ — то й не вартъ му нагадувати, аби взявшися до чого розумнѣйшого (нпр. кинути що для люду, помочи звязати людъ съ письменствомъ): найже собѣ лѣпитъ бездушній стихи, доки має силу — линь бы не казавъ ажъ самъ, що его плоды „рожа“ — не „лопухъ“, бо то выходить на народну приповѣдку:

Хвали мя, роте, бо тя роздеру.

Най п. В. лѣпше попросить пана Ч., автора стати „Еще разъ о „Стрижку“, або й п. Щипавку, аби ушипнувъ мене за

мое личне мнѣніе — а росхваливъ п. Верхратского передъ прочою публикою, яжь лишуся нѣмый „въ нѣмѣй погордѣ“ п. Верхратского — а всѣхъ, що умѣютъ писати, прошу, (якъ вже не въ силѣ будуть написати панегирику) абы не важилися сѣпнутися на авторитетъ п. В. въ „надобной“ литературѣ — бо п. В. готовъ ще додати кѣлька томовъ апології свого генія до тыхъ, котрій вже десь печатаются подъ псевдонимомъ — а школа бы було паперу.

X.

— Гостинецъ изъ Черновецъ. Написавъ Дмитро Вѣнцковскій. Накладомъ общества русск. академик. „Союзъ.“ Черновецъ (.) 1876. Печатаніе вдовы Іосефы Петровской 16⁰, 37 страницъ. (На тѣмъ мѣсяці, де въ Россіи пишеся „Дозволено цензурою“ написано тутъ таке: „Высока ц. к. Рада школьнна буловинска увѣнчала нагородовъ зъ 15. лют. 1876 до ч. 2219 зъ 1875)

И такъ пустивъ у сѣвѣтъ п. Вѣнцковскій, дуже дѣятельный представитель теперѣшнои австрійско-руской литературы, — „Гостинецъ изъ Черновецъ“ „Хочу вамъ,каже п. Вѣнцковскій въ отдѣлѣ I. (ихъ ажъ VI.), оповѣсти исторію, бо то моя така натура (плести!) та кобы хотъ складно удати, що бы занимателна була и любопытна для старыхъ и молодыхъ.“ До маленькоаго сельця Стефанівки, десь въ горахъ, не приходить нѣхто, лишь изъ него идутъ въ далекій стороны на заробокъ. „Тай и щожъ вамъ бѣльше о томъ селѣ сказать?“ — каже п. В. И было бы найлѣпше, якбы бувъ переставъ п. В. писати далѣ. Се вже показує слѣдуюче сказанье: „Село наше одно якъ друге, тай и люди всюды одинакови; у горнякѣвъ тому, що жіють въ такої природѣ горѣ, бувае надъ то чувствительне серце и похоне для доброй науки и слова мудрого.“ „Сияють“ на церковці „три высокія кресты при блеску восходячого и заходячого сонця. Звонбѣвъ голось звучный скликавъ буддень школарѣвъ и старцѣвъ, а въ недѣлю и свята цѣлу громаду до церкви.. Така то вже натура человѣка задивлятисе все на старшихъ и заможнѣйшихъ и тымъ подражати.“ Велику правду сказавъ авторъ послѣднімъ реченьемъ. Розглаголалися „старшій“ диктаторескимъ тономъ проповѣдниківъ — чомужъ бы не пойти за ними и п. Вѣнцковскому и не докинути до теперѣшнои нашои проповѣдническои литературы свой трудъ, що має всѣ достоинства еи? Та только одна бѣда, що другимъ приходитъ, написати що для „двигненія“ народа, якъ зъ рукава — а п. Вѣнцковскій, якъ видко, „насильно“ мучився надъ сею проповѣдью. „Тѣмже паче“ вийшла та проповѣдь достойною представителькою теперѣшнього морализуючого направлення нашои інтилігенції — а ще достойнѣйшою самого генія г. Вѣнцковскаго. Що чудного, то самъ языкъ п. Вѣнцковскаго съ такими его формами якъ „установовъ“ (стор. 4), людій („множицею“), стор. 7., 9., 10., и т. д. и т. д. — и образы якъ: „Панъ отецъ бувъ то сѣмдесятилѣтній старикъ посивѣшій якъ голубъ на полі життя“, стор. 4.; „учитель поберавъ хорошенкую платню правильно и спиро!!!, (я держуся интерпукції п. В.) стор. 6.; „вергся голодный левъ на него (давнаго человѣка) и роздеръ, подеръ и пожеръ его; тамъ выскочивъ кровожерчій тигръ зъ укрытия и простеръ го на земли; тутъ обвилася на него змія и его кости потерла; тамъ муха го укусила!“ стор. 9.; „коло одного дома вже и другій и третій, якъ тін грибы по дощи“ стор. 13.; одну голову „каждый съ насъ мае на скрку, но еще треба одної головы, котра бы була надъ всѣми нашими головами“ стор. 16.; Въ „Гостинци“ хотѣвъ вѣдай п. Вѣнцковскій представити борбу первобытнаго человѣка зъ непріязнными элементами: оттакъ якъ отворилася родина, село, громада, и т. д. ажъ до державы, котра мае законы свои и котрýchъ мають всѣ подданіи слухати — отже назватиѣ можна „Гостинецъ“ нау-

кою о послушенствѣ и задоволенію зъ старецтва народа, якѣ оно есть. Я выпишу изъ „Гостинца“ найвиднѣйшій мѣсяцъ: „держава — то замокъ на високой горѣ, вороти еи — то людка слабость, а сторожѣ — законы“ стор. 24.; „законы въ державѣ суть якѣ части особы человѣчои“, стор. 27.; мужъ мудрій, що „слѣпають надъ книжками“, зберутся и по „довгой и мозолиной нарадѣ перечитавши еще въ голосѣ передъ всѣми три разы, издають законъ“, стор. 33.; и т. д. и т. д. Розумѣєся, що не напишѣ п. Вѣнцковскій книжочки безъ кѣлькохъ склееныхъ стиховъ:

Нѣтъ надъ Русина народа,
Що такъ пѣсню любить,
Онъ ю въ доли и недоли
До сердця голубитъ... стор. 7.

Но роздивѣмся, якѣ серіозній понятія дає п. В. тымъ, що его будуть читати и моглибъ вѣрити его словамъ:

„днѣсь человѣкъ набѣдоватися мусить для одержання свого нужденого життя“ стор. 8. Певне, що нужде не житте п. В., що такъ намучився надъ небылицями, за котрій заплатила му рада шк. бук.! Ну, колиже нуждение житте людске, то чогожъ говорить устами п. Вѣнцковскаго „посивѣшій на полі життя голубъ“ до громады, славчи роляництво: „Слава вамъ, що належите до тон кляси людій, въ котрой сповинилось призначеніе человѣка. Величайтесь тымъ, бо и сынъ славної Марії Тересії, царь Йосифъ II. не гордѣвъ истикомъ чорну грудку розбити,“ стор. 13.

.Рѣдко приводить намъ исторія выродныхъ наслѣдниковъ, (кѣбы всѣхъ престолобъ, якѣ лиши коли були въ державахъ європейскихъ) а если такъ случится, то видимо, що и народъ выродився и вже ажъ пальца Божого треба на него“, стор. 18. П. В. такій знатокъ исторії, що каже, що всѣ царі були добрій, а якъ лучився якій злій — то того причина въ масѣ народа (!!); „що люди зробятъ есть для насъ людій досконалымъ“ стор. 33. Отже „само собою розумѣєся, що только тымъ способомъ приносить старшина добро своимъ подчиненнымъ, якъ тін (роз. подданій) ихъ приказы (роз. приказы старшини, котра дѣсталася власть старшованья надъ темною масою людей отъ Бога, стор. 29) исповнюють; для того треба намъ знати, що мы сами до нашого добра причиняемся повинуючися тымъ розказамъ (роз. хотѣти скочити масѣ за старшину въ огонь!) и за охочуючи еще другихъ нашихъ сожителій и собратій, щоби ихъ исповняли,“ стор. 19. Певне, що н. пр. цѣла громада не повинна бы бути радою, „рядитися своєвъ головово“ (стор. 19), але скоро бѣ зъявився якій-небудь старшій — шляхтичъ, ходити по краю и тягнути всѣ громады, щоби ишли слухати розказовъ! Бо чайже найдеся богато такихъ, котрій скажуть разомъ съ п. Вѣнцковскимъ: „Маешь то творити, що ти розказують тін, котрыхъ Богъ до того призначивъ“ стор. 29; „То ваша довжностъ бути піддаными“ (ibid.); „въ святыхъ книгахъ выразно наказано властямъ, то есть законамъ послушными бути, не такъ ради нихъ, якъ ради Бога“ стор. 30. Підъ се підходить такожъ теза: „не руководитися сочувствіемъ для бѣдныхъ“ стор. 32. До сего йде такожъ сказанье про конечнѣсть каствости, котру „Богъ установивъ щоби людій различній добродѣтели творили, а що бы не було можливимъ при совершиенній ровности“ стор. 34. „Господь нашъ, отецъ небесный, . . . дае вамъ здоровье и силу до роботи, а чогожъ бѣльше вамъ потреба?“ стор. 35 (І воли то мають, п. Вѣнцковскій!); „Чиже не маєте причини достаточній бути довольными въ своемъ станѣ? Если вы довольными будете; не будете жадати того, що не можливе, що не въ силѣ вашої осягнути; не будете задростными, що есть грѣхомъ головнимъ; не будете лакомыми, що дѣлає человѣка ненасытнимъ“, стор. 36. П. Вѣнцковскій дає намъ такожъ на стр.

14. свое понятіе о народности: „Всѣ должны бути Австрійцами, народомъ братнімъ“... Шѣсть недѣль сходилися Стефановичане, слухати проповѣдей „голуба“ и его брата „добрника“, що „ходивъ колись до высокихъ шкіль въ Чернівцяхъ“ — слухати, що „каже одинъ учений філософъ, имеючи Гобесъ: головка человѣку есть вовкомъ“ стор. 10; слухати такихъ слобъ якъ: „Не скончивъ бымы сегодня, если бымы схотѣвъ“ стор. 15; або, що каже „славный предокъ Ромуновъ, найбѣльшій філософъ римской Цицеро“ стор. 21. „нерви цѣлу машину (т. е. тѣло наше) разомъ тримають“ стор. 23. „Богъ дѣла по вѣчнимъ и непоколебимымъ законамъ, яки самъ себѣ поставивъ“ стор. 25; „молитва на божного неразъ чудеса доказувала“ стор. 36. и т. д. и т. д. На пѣдставѣ того, що каже на 31. стор. „голубъ“ до громады: „просиши васъ, если бы вами що не яснимъ оказалось съ того всего, щомъ до тепер оповѣдавъ вами, запытайтесь а изъясни вами“ — я перепрошу васъ п. Вѣнцковскій, що смѣю запытатися: чи Вы все то такъ само написали, якъ сте розумѣли самі? Познавъ я п. Вѣнцковскаго изъ его поэзій, котрій піахв майже до кожного руского календаря въ Галичинѣ и на Буковинѣ, до черновецкихъ Päd. Blätter, такъ що передъ колькимъ рокамъ було въ корр. до одномъ ініемецкої газеты написано. що два толькі поети рускій, одинъ Наумовичъ — простонародный; а другій учений — п. Вѣнцковскій. Може не учений стихи п. В. якъ и пр. тогодній:

Если учительемъ ты быти
Намѣреваешь нѣкогда,
Читай хотя бы и соктками

Педагогически дѣла... и т. д. Давно думавъ я себѣ: „Бѣдна поэзія! ажъ просится, аби її п. Вѣнцковскій давъ покой — а п. В. насилино еї вчевися — и гадавъ я себѣ тогда, що п. В. зможе хоти написати де-що для народа про вѣдомості элементарній (бо чайже це побольшивъ литературу надобної, якъ каже п. Верх. такими красотами своими якъ, Съ одиною любилася съ другою женился и т. д. — а теперъ я, перебігши „Гостицець“, рѣшительній стративъ надѣю на п. Вѣнцковскаго, бо и въ языцѣ и въ граматицѣ и въ самой рѣчи и въ понятіяхъ п. Вѣнцковскаго бачу „наспіліє“ и не вѣрю также словамъ п. В. аби „дѣнній слова его“ впали не на тверду и каменну рѣлю“ и „выдали желаемый плодъ“ стор. 37. якбы п. Вѣнцковскій постудіювавъ ще надѣ живою мовою и стався паномъ предмету — то я бъ ему тогоди радивъ сковати всяку „старшину“, котра, дивлячися на народъ зъ горы, морализує и разить чувство достоинства кожного человѣка — и писати такъ, аби зъ самого содердання выходила вже наука: а безъ всего того школа буде часу п. Вѣнцковскаго: школа труда ради школьної буковинської, котра вѣдь не читавши нагородила „Гостицець“ (бо інакше можна бъ її дати testimonium summae reperitatis); школа накладу „Союза“, що думає збогатити руску литературу подобною писаниною якъ „Гостицець“ — школа вконець и того часу, що его стратятъ люде на читанье такон „наспільної“ литератури.

X.

Въ отвѣтъ г. Ст. Лабашу и его оборонителю. Изъ помъщеній въ Ч. 61. „Слова“ новинки п. з. „Изъ широкой улицы“ и изъ появившоїся въ Ч. 62. „Слова“ обороны г. Стефана Лабаша п. з. „Надосланіе“ моть бы повзти посторонній человѣкъ переконанье о „неконечно совѣтномъ“ поступованію выдали „Ак. Кружокъ“ о поступованію, „несходномъ со справедливостью и повагою выдали такъ почтенного общества“, о „важнѣ однога изъ давнішихъ любезныхъ друзей“ г. Ст. Л. на решеніе выдали и пр. и пр., еслибы выдали „Ак. Кр.“ лишивъ всѣ тіи замѣти безъ отвѣта. Уважаемъ прото за конечнѣсть и за нашъ обовязокъ цѣле дѣло передъ судъ публики подати (бо того очевидно домагається г. Ст. Л. не хоти чаго-коити дѣло безъ шуму и крику) и представити рѣчь такъ, якъ она дѣйстно малася.

На засѣданію выдали зъ дня 26 февр. с. г. рѣшено письменно завозити г. Ст. Лабаша, переставшого бути членомъ общества, до звороту такъ чужихъ рукописей, переданихъ ему комитетомъ редакційнимъ до перечитання, а призначенихъ до составлення брошюрокъ, якъ и книжокъ по частіи вложиченыхъ нимъ зъ бібліотеки Общества за вписаньемъ свого імені въ книгу вложичаючихъ, почасти безъ вписанья самовольно взятихъ. Въ мысль

того рѣшенія вислано дня 2 Марта до г. Ст. Л. письмо завзываюче до звороту книжокъ и рукописей, — на що той же г. Ст. Л. отповѣвъ устно секретарю, (а теперъ повторивъ въ „Надосланіи“ въ „Словѣ“) що тогоди доперва вдовсить желаню видѣла, если ему перше видѣть заплатитъ остатокъ ремунераціи, належащеїся ему за труды въ комитетѣ редакційномъ въ сумѣ 6 зр. а. в.

Выдали, за порозуміваніемъ съ комитетомъ редакційнимъ, признавъ справедливость претенсій г. Ст. Л. въ висотѣ 3 зр. а. в. и рѣшивъ на засѣданію зъ 25 Марта (точ. 11 проток. засѣданія) вторично завозити г. Ст. Л. до звороту книжокъ и рукописей, а кромѣ того, понеже самъ г. Ст. Л. нагадавъ претенсій грошії, такоже до звороту довгу, затягненої пінь дні 20 октября 1875 въ сумѣ 10 зр. съ 120% отсотками, отлучуючи отъ того повысшихъ 3 зр. ав. Письмо, составлене въ мысль того рѣшенія, и подане секретаремъ на почту за зворотнимъ рецептомъ дня 29 Апрѣля с. г., не благоприятно принято г. Ст. Л., а толькі написавъ на конвертѣ власноручно „Не принимаю Ст. „Лаб.“ (Коверта та находитися въ актахъ Общества)

Пытаємъ тепері кожної безстороннаго человѣка, що має здѣлати „съ тимъ фантомъ“ „совѣтній“ выдали? Чи совѣтнійше будьоб зложити все ад аста, чи дальше старатися о то, щоби майно Общества: Книжки, гроши и чужій рукописи назадъ поїскати?

Выдали нашъ узнати въ именно то послѣдне за совѣтнійше и рѣшивъ дні 27. Мая с. г., користаючи зъ арт. 15. своихъ статутовъ г. Ст. Л. завозити газетами до звороту рукописей и пр. закімъ еще удастся на дорогу судову, до поїзії. Газеты, въ котрихъ мало поміщуватися всякихъ завозань до довжниківъ, були въ мысль рѣшенія выдали зъ 25 марта с. г. „Другъ“ и „Слово“ а въ мысль рѣшенія зъ 25.4 и 23.5 такоже урядова „Gazeta Lwow-ska“, — въ котрихъ то всѣхъ 3-хъ газетахъ дѣйстно послѣдніми часами завозовано довжниківъ зъ лѣтъ поїздініхъ.

Що до г. Ст. Лабаша, то, понеже секретарь общества подавъ до вѣдомості выдали неприняте письма отъ выдали г.-омъ С. Л.-омъ, доперва на засѣданію 27 лат. Мая (т. е. по виходѣ послѣдніго числа „Друга“). Выдали рѣшивъ (точ. 11 книга засѣданія) завозити г. Ст. Л. въ „Словѣ“ и „Gaz Lwow.“ до отдачи рукописей и пр. кладучи речинець 8-ми днівъ, а секретарь занесъ анонси до обохъ газет одного днія. Въ „Gaz. Lwow.“ завозанье появилось (б. л. Червня) — въ „Словѣ“ же г. Редакторъ не хотѣвъ помістити заявивши, що не хоче, щоби Русини взимно себе компромитували, — но заявлене то совсѣмъ не мішало ему, сейчастъ сїдуючого разу (въ ч. 61.) помістити новинку изъ „Широкой улицы“, где говориться: „почему выдали взывать его (г. Ст. Л.) посредствомъ газетъ по польскихъ буквамъ?“ (но препинъ въ уряд. газетѣ рускими буквами), — не мішало дальше и въ ч. 62 помістити „Надосланное“

Ізъ всего, до тепері наведеного, а на книгахъ общества и правъ основаючаго, може кождый переконатися, о сколько „личныи непорозумінія“, импутованія намъ въ новинцѣ и въ „надосланії“, „суть поводомъ завозань, иза кимъ есть справедливость, чи за вѣдомостемъ, чи за г. Ст. Л., котрій маючи свою претенсію до Общества въ сумѣ 6 зр. достаточно покриту довгомъ въ сумѣ 10 зр. съ 12% отсотками, все таки неправно задержує книжки Общества и рукописи авторовъ, приславши свои сочиненія до Общества. Чи бувъ г. Ст. Л. въ обществѣ дѣятельнімъ и якъ бувъ дѣятельнімъ, въ то не входить — бо иде тутъ о зворотѣ чужихъ (не г. Ст. Л.) рѣчей, котрій той же господинъ самовласно задержує. — всіяк же самовольне грабленье чужихъ рѣчей на покритьє своїхъ претенсій есть по уставамъ цивильнымъ и карнимъ карилостайнимъ.

Въ конці скажеть г. адвокату „изъ Широкой улицы“ що если его імені не поміщено въ завозанью довжниківъ, то сталося то або з ошибки кассира нашого або зъ тої простої причини, що бѣ (г. адвокатъ покутний) просить о продовженїе речинця сплати и непечатанье его імені, а если ему впрочемъ таї же на той же залежить, то мы можемъ постаратися о выпечатанье его імені.

Столько въ отвѣтъ г. изъ „Широкой улицы“ и г. Ст. Лабашу, котрого послѣдніго ще разъ, и то въ послѣдній разъ взыываемъ до отдачи книжокъ, въ ч. 128 „Gaz. Lwow.“ выписанихъ, тоже до звороту рукописей и довгу зкомпензованого.

Львівъ дн. 1. (13) Іюня 1876
Отъ выдали „Академ. Кружка“.

Содержавье: Петрѣн и Добощуки, повѣсть Джеджалика, часть II., прод.; Отравленный дьяконъ, Г. Иванова, прод.; Листы зъ Ісландіи, прод.; Литературній вѣсті и критика и пр.

Властитель и издатель „Академіческій Кружокъ.“ За редакцію отвѣчає Николай А. Дольницкій.

Ізъ типографії Института Ставроцигійского во Львовѣ 1876.

До того числа слѣдує додатокъ.